

АДЕЛИНА КАНДИКОВА

В А С А Т

FATALITY

16+

Аделина Кандикова

Васат

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кандикова А.

Васат / А. Кандикова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-97234-6

Когда отчаяние достигает своего истинного апогея и у тебя больше нет сил, чтобы что-то менять, ты вручаешь свою судьбу в руки фатуму. Останавливаешься и ждешь, что время расставит все по местам, раны затянутся, конфликты утихнут... Но боль прибывает, перспективы рушатся на глазах, ты надеешься, что это происходит для того чтобы расчистить путь к чему-то неизбежному... Тому, что было предопределено задолго до твоего появления на свет. Плохое оно, хорошее, не важно... Оно твое. И тебе в любом случае придется прийти к единству с миром, иначе тебя разорвут твои же собственные внутренние противоречия. Других вариантов нет... Ты доверяешь своей судьбе?

ISBN 978-5-532-97234-6

© Кандикова А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ.	5
ЧАСТЬ 1.	6
I.	6
II.	13
III.	20
IV.	28
V.	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Аделина Кандикова

Васат

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Васат – неподвижная звезда, одна из звезд-маркеров наравне с Полярной звездой и Минтакой.

В мунданной астрологии эта звезда связана с тотальным разрушением, оружием массового поражения. В индивидуальном гороскопе Васат даёт злорадство, демонические силы, при срывах – умопомешательство, шизофрению, при которой сознание разрывается на части, страшные депрессии и не менее страшные маниакальные периоды. Васат говорит о необходимости прийти к мистическому единству с миром, иначе человек будет разорван непримиримыми внутренними противоречиями. Для рождённого под этой звездой характерны чувствительность, эмоциональность, интерес к внутренним процессам, склонность к моральным оценкам, активная внутренняя переработка информации.

ЧАСТЬ 1.

I.

«Я не обращаю внимания на тех, кто разбивает сердца» – только и доносилось мне со всех сторон в последние несколько дней учёбы в школе. И это были не только одноклассники и ребята из параллели. Учителя говорили так же. Стоило мне хоть к кому-нибудь подойти с просьбой или банальным приветствием, ответ следовал один:

– Кира Анконнен, отойди.

Что самое страшное, я услышала это и от группы девочек, которых считала своими подругами. Видимо, я в них ошибалась, раз они устроили мне бойкот из-за такой ерунды. Точнее, что это ерунда было известно только мне и ещё одному человеку, но он не спешил заступиться за меня. Да я и не жду особого оправдания. Может, действительно, здесь есть и моя вина. Слава Богам, терпеть это осталось недолго – всего один урок и потом двадцать минут на вручении аттестатов.

Девять классов пролетели незаметно. Я далеко не середнячок, обычно перебивалась с четвёрки на пятёрку, но в документе, который мне выдадут через пару часов всего лишь одна четвёрка... И это литература. Не то, чтобы я не любила этот предмет, просто в этом году у меня не было времени читать произведения в полном объёме, а по краткому содержанию красиво всё не напишешь. И всё это из-за него. Вот теперь и буду сидеть как дура: ни парня, ни красной корочки у аттестата.

Вообще, я собиралась оставаться в школе и получить полное среднее образование – десять классов – но увидев, как со мной стали обращаться после этой истории... Шло бы оно лесом, это образование! Доучиться всегда успею. Здоровая психика и нормальная самооценка дороже.

Кого я обманываю!? Моей самооценке уже каюк, даже если я запрусь на следующие несколько лет дома и не буду общаться ни с кем из тех, кто терроризирует меня сейчас. Да, ведь они не только игнорят. Подставы идут одна за другой.

Вот только на прошлом уроке – одном из моих любимых, кстати – истории, я получила неуд за самостоятельную работу. Когда мистер Делишер озвучил оценку у меня чуть челюсть до парты не отвисла. Я еле сдержала себя, чтобы при всех не поинтересоваться у него: «А какого, собственно, хрена!?» Тему Французской революции я знала досконально, от и до. Она у меня «от зубов отскакивала», так что, когда на доске увидела вопросы по ней, не задумываясь накрापала ответы за пару минут и остаток урока плевала в потолок. В правильности ответов я даже не сомневалась. И тут вдруг «неуд»!

Дождавшись конца урока, я подошла к мистеру Делишеру и тактично поинтересовалась, что не так?

– Ты подписала свою работу с ошибкой. – пропел беззаботно в ответ мне учитель и протянул мой листок.

Действительно, Анконнен написано с одной буквой «н» вместо удвоенной. Со мной такое частенько случалось, когда я хорошо знала, что писать. Иногда из моих работ пропадали не только буквы, но и слоги и даже целые слова.

Но как бы там ни было, мою фамилию отгадать вполне реально, да и не помню я, чтоб за такое ставили «неуды». Тем более, что мистер Делишер, как будто, чтоб сделать побольнее, напротив каждого ответа поставил плюсики зелёной ручкой, а в верхнем углу старательно вывел единицу.

– И за это вы поставили мне «неуд»? – недоумевала я. – Серьёзно?

– Да. Киры Анконен в моем классе нет.

– Так значит и единицу ставит некому! – во мне вскипала ярость и подавлять у меня её получалось плохо.

– Кира Анконен работу не сдала, а на уроке присутствовала. За это и «неуд».

Учитель пожал плечами. Мол, оценка уже стоит. Я развернулась на каблуках и быстрым шагом пошла прочь из аудитории. Пусть ставит оценки, какие хочет! Они все равно уже не пойдут в аттестат. Пусть хоть весь журнал колами разрисует!

– Кира!

Позвал Делишер, когда я уже переступила порог. Переборов свою гордость, я сделала пару шагов назад. Хочешь-не хочешь, а правила приличия соблюдать надо. Он всё-таки учитель и старше меня. Я сквозь опущенные ресницы посмотрела на преподавателя.

– Не разбивай чужие сердца. – вкрадчиво и с острасткой проговорил мистер Делишер.

Всё! Я так больше не могу! Я пулей вылетела из кабинета и вместо того, чтобы тащиться на философию, побежала к женскому туалету.

Это уже чересчур. Конечно, от мистера Делишера стоило этого ожидать – Марк его любимый ученик. Как ещё он будет относиться к девчонке, которая «разбила сердце такому замечательному парню»? Тьфу, даже думать противно. И самое паршивое, что так рассуждали все вокруг. Каждый считал Марка чуть ли не светом в окошке. Отличный ученик, лучший спортсмен, первый красавец и, конечно же, ярый борец за здоровый образ жизни.

Таким его видели другие и даже я до недавнего времени. Но стоило произойти этой истории, и я увидела его настоящее лицо. Отличные оценки он себе зарабатывал конкретным подхалимством. Лыстил учителям напропалую, и они не могли отказать его милой улыбке. В спорте да, он преуспел – забивать он умел отлично, но для этого должна была поработать вся команда, пока не будет комфортных условий, он даже не соизволит к мячу подойти, не то что уж пнуть в фактически пустые ворота. А лавры все ему! Борец за здоровый образ жизни... Даже и подумать смешно! Кто-бы знал, что блеск в глазах у него не от приближающейся тренировки, а от травки, которую он курит вот уже полгода кряду со своими друзьями в «Hill of smoke» вместо кальяна.

Я опёрлась на раковину и уставилась на себя в зеркало. Слезы текли сами, я даже и не замечала их пока не начала почти что захлёбываться. И из-за такого, как Марк, последние дни моей школьной жизни превратились в кошмар? Из-за него я сейчас рыдаю, вместо того, чтобы слушать лекцию в классе? Просто из-за того, что он строит из себя обиженного жизнью... Нет, не жизнью... Мной! Обиженного мной мальчика.

Наше с ним расставание не стало для меня ударом. Я давно уже устала быть куклой рядом с ним. Я не имела права на своё мнение, свой голос, свои мысли. Всё, что я должна была делать последний год, пока мы встречались, это восхищённо смотреть на него. Я, собственно говоря, это и делала и при том по собственной воле. Всё осознание, какая он пад... нехорошая личность, пришло ко мне три дня назад на выпускном балу.

Марк бросил меня в разгар вечера одну посреди танцпола. Он пополз со своей бандой на улицу, чтобы догнаться ещё больше. Хотя, его и так уже было терпеть невозможно. Он решил, что ему мало. Тогда я ещё не смела с ним спорить. Его наглое, паскудное поведение казалось мне забавным и милым. Мне казалось, что он не может делать что-то плохое или неправильное... Дура!

Отойдя к столам, с горой уставленным едой, которая никого не интересовала (ведь все пришли сюда только для того, чтобы напиться), я не парилась по этому поводу – уже привыкла к такому. Ко мне с ошарашенными глазами подбежал Зерах Гуревич, парень с моего курса

мат.анализа. Его сильно пошатывало, и он чуть не грохнулся в чашу с пуншем. Я успела подхватить его в последний момент.

– Ох, Боги, Зерах! – вырвалось у меня. – Что с тобой? Ты же никогда не пил на вечеринках.

– Прости, Кира. Я не выпил ни грамма. Похоже Крис со своей компанией мне что-то подмешал...

Зерах зажал голову руками, а я только понимающе кивнула.

– Пошли, я отведу тебя в уборную.

Мы аккуратно и медленно выдвинулись в сторону выхода. История с подмешиванием вполне походила на правду. Гуревич был в школе «перекати-полем», у него не было своей группы. Он общался со всеми по чуть-чуть. Так что каждый, кого он мог назвать своим другом, в равной степени мог быть его врагом.

Ну... Враг – сильное слово. Скорее всего, Зерах, как одиночка, был бы первой мишенью на издёвки, после лузеров. Но, предусмотрительные аутсайдеры сия школы на выпускной бал не явились. И могу с полной уверенностью заверить, правильно сделали. У Марка и банды на их счёт были очень «весёлые» планы, в которые меня неохотно, но все-таки посветили накануне.

– Дальше сам.

Я направила Зераха к мужской туалетной комнате и хлопнула по плечу. Парень сделал два шага и пришелся лбом в дверной косяк. Зажмурившись и борясь с подступающим приступом хохота, я пыталась совладать с собственными эмоциями.

– Так, понятно, «сам» не получится.

Мы аккуратно протиснулись в туалет, я помогла ему опереться на раковину и уже было хотела выйти... Но внезапно протрезвевший и твёрдо вставший на ноги Зерах преградил мне путь.

– Подожди! – четкой речью абсолютно вменяемого человека воскликнул он и схватил меня за руку.

– Что происходит? – строгим тоном поинтересовалась я, почувствовав подвох.

Вопрос вполне себе можно было считать риторическим. И так всё было ясно, как божий день. Гуревич решил увести меня с чужих глаз чтобы поговорить. А раз ему пришлось притвориться пьяным, то уж значит точно я бы не согласилась идти, если бы знала тему этой «беседы».

– Я хотел поговорить с тобой. Наедине. – подтвердил мои догадки Зерах.

– Прекрасно! – раздражённо прорычала я и выдернула руку. – Только вот я не хочу с тобой разговаривать. Тем более при таких обстоятельствах! Но ты, безусловно, талантлив. Тебе прямая дорога в театральное. Возьмут без вопросов!

О чем этот парень только думал!? В тот момент у меня в голове была одна единственная мысль – лишь бы об этом не узнал Марк. Хоть Зерах и поступил глупо и неосмотрительно, я совсем не хотела, чтобы его постигла такая же участь, как и Юнаса пару дней назад. Парень просто подошел спросить домашку в коридоре и, заметив в моих светлых густых волосах божью коровку, снял её. За это и поплатился. Марк после школы так разукрасил его лицо, что лучше было не видеть. А тут... Неизвестно, остался ли бы вообще Зерах живым!

– Прошу! Всего пару минут... – Гуревич захлопнул дверь прямо у меня перед носом и загородил проход.

Что ж, если он хочет нарваться на приключения, то пожалуйста! Я сцепила пальцы в замок и, оглядев настырного парня с ног до головы холоднокровным взглядом, кивнула в знак того, что слушаю.

– О-у-ф-ф... – Зерах тяжело выдохнул и стал нервно бегать глазами по помещению, собираясь с духом. – Просто, я хочу, чтобы ты знала, что у тебя есть выбор...

Меня его слова не удивили. Ожидать чего-то другого при таком раскладе было бы глупо. И несмотря на то, что мне ужасно не хотелось это выслушивать, я сжала зубы и продолжила слушать не перебивая. Единственную слабость, которую я себе позволила – нахмурить брови.

– Мы оба с тобой прекрасно знаем, что Марк за человек. Он кретин. – продолжал Гуревич. – Я вижу, как он с тобой обращается и мне противно от этого. И я не понимаю, почему этого больше не видит никто другой. Даже ты, ты сама не хочешь этого признавать и продолжаешь смотреть на него своими прекрасными светлыми глазами с такой влюбленностью, какой этот козёл и грамма не заслуживает. Мне больно видеть тебя рядом с ним. Пожалуйста, Кира... – он сделал шаг ближе, расцепил мои ладони и взял за руку. – Позволь быть рядом с собой настоящему любящему тебя парню.

За это я ненавидела себя больше всего – я слишком много думаю о чувствах других. Мне бы следовало послать Зераха туда, где солнце не светит, влепить пощёчину и уйти. Но нет же! Как я могу оставить человека в таком состоянии!? Мне надо сбалансировать всю жёсткость, которая слетит с моего языка душевной мягкостью.

– Зерах, – терпеливо обратилась к нему я, и взяла вторую его руку. – Я люблю Марка. Ни тебя, ни кого-либо другого. Марка. Я признаю, что, возможно, ты в меня влюблен и, возможно, беспокоишься обо мне. Но подумай! Даже если тебе и кажется, что Марк обращается со мной как-то не так, значит я ему позволяю. Это первое. А второе, даже если бы я и позволила тебе быть рядом со мной, то никогда бы себе этого не простила. Позволить любить себя, не испытывая ответных чувств – это очень подло.

Парень криво усмехнулся и поднял покрасневшие глаза. Неужто и вправду любит? Я сделала ему больно, а ведь он не виноват. Мне буквально захотелось спрятать его от своих собственных слов, чтобы он никогда их не слышал, вернуть время вспять. Не знаю, что бы я сказала, но может быть сделала бы это как-то мягче...

– Совсем никаких шансов? – переспросил Зерах, закусив губу.

Я уже собралась с духом, чтобы пересилить себя и честно ответить «Никаких», но мне не дали этого сделать. Раздался гогот и кто-то с ноги открыл дверь. Ну, конечно, как по закону подлости, Марк со своей бандой. Увидев меня, держащую за руку Гуревича, весь смех в толпе в момент прекратился. Марк секунд тридцать оценивал взглядом ситуацию. Я уже была готова броситься и встать между ними, чтобы парень не покалечил Зераха, но...

– Шлюха. – выплюнув это, Марк, расталкивая своих «товарищей», стал уходить. Они последовали за ним, перешёптываясь.

Застыв в немом ступоре, я не могла понять, что произошло. То есть, он обвинил не Гуревича, а меня? Как так!? Он же знает, что я люблю его! Как может не доверять? Мне нужно было срочно ему все объяснить. Может, со стороны это действительно выглядело неправильно.

– Марк! – я бежала за толпой по коридору. На каблуках это было делать не очень удобно, но я не сдавалась. Теперь мне было совершенно все равно, что там с Зерахам и что он испытывает. Самым главным для меня сейчас было объясниться перед любимым. – Марк, подожди! Марк...

Я растолкала толпу. Марк все ещё уходил, я схватила его за руку и... Щёку обожгло, точно кипятком. Потеряв равновесие, я упала на пол и стукнулась головой о стену. Он ударил меня, влепил пощёчину... Было так больно... Но не столько физически, сколько морально... За что он так со мной? Из глаз невольно потекли слёзы. Что ж, я сама виновата. Видимо, Вселенной было угодно, чтобы сегодня кто-то получил пощёчину. И раз я смалодушничала, и не дала её Зераху, получила сама.

Никто из его банды и не подумал вступить за меня или хотя бы помочь подняться. Они столпились вокруг нас и наблюдали, что же произойдёт дальше. Марк со свирепым взглядом указал на меня пальцем.

– Такая сучка, как ты, разбила мне сердце. – прорычал он. – Не подходи ко мне больше!

И все. Он развернулся и ушёл. И все окружающие потянулись за ним. А я осталась сидеть на полу в школьном коридоре, захлебываясь в слезах. Но тогда я ещё не знала, что все только начиналось. Эта пощёчина и грубые слова от Марка были сущим ничтожеством по сравнению с тем, что ждало меня дальше...

На следующий день старшие классы учились во вторую смену и двенадцати часов с лихвой хватило, чтобы о вчерашнем узнал каждый ученик нашей школы. И уже на подступах к ней я поняла это. Как? Да за те двести метров, что я прошла по улице, меня «нечаянно» задела плечом двенадцать человек! А ещё трое мимоходом повторяли эту заветную фразу, которая отныне вызывает у меня аллергию и холодный пот: «Не разбивай чужие сердца».

Первым делом, зайдя в здание, я начала искать взглядом Марка. Я верила, что он найдёт в себе силы выслушать меня. Ведь я не виновата! Я прорыдала в подушку полночи из-за этой пощёчины, из-за тех обидных слов. «Но он сделал это на эмоциях!» – убеждала я себя. – «Марк успокоится, и я смогу ему все объяснить. Мы помиримся. Так всегда было.»

Я нашла его у кабинета литературы на втором этаже. На его лице была вымученная, притворная скорбь. И не спроста. Он принимал утешительные ласки от Катарины и Зилды, что учились на курс младше. Тогда я и не подумала обратить на них внимание. Моя цель была поговорить с любимым, и эти двое вряд ли бы могли помешать. Но нашлась причина посущественнее – Исаак Сатре – правая рука Марка в его банде, он был свидетелем вчерашнего спектакля.

– Куда ты собралась? – нарочито брезгливым тоном поинтересовался Исаак и преградил мне дорогу. Он был здоровенным, как шкаф, и полностью закрыл мне обзор.

– Мне нужно поговорить с Марком. – отрывисто ответила я и попыталась обогнуть бугая.

– Стоять! – Исаак схватил меня за руку с такой силой, что у меня свело жилы.

– Мне больно! – вскрикнула я. Исаак оттолкнул меня.

– Не разбивай сердца – больно не будет. – фыркнул он. – Марк не хочет с тобой разговаривать.

– А ты теперь решаешь за Марка?

– Вчера он выразился предельно ясно. – ухмыльнулся бугай и отодвинул с моей щеки белокурую прядь, за которой я прятала синяк от вчерашней пощёчины.

Это был удар ниже пояса. Каким бездушным человеком надо быть, чтобы оголять чужие раны? Я сцепила зубы, чтоб не расплакаться и резким движением убрала ладонь Исаака от своего лица, развернулась и ушла. Марк не мог не видеть, что я пыталась подойти к нему. Мы с Исааком спорили в десяти шагах от него. Неужто и впрямь он не хочет со мной говорить? Тогда я в это ещё верить не хотела.

Спустившись на первый этаж, я запрыгнула на подоконник и достала телефон... Горячо! Очень горячо! Ингрид Бьёргульв, самая талантливая 10-тиклассница школы, с которой я, к слову, ни разу и парой фраз не перекинулась, облила меня горячим кофе из «Старбакс». Живот и ноги мучительно обжигало.

– Ой! – с притворным сожалением вскрикнула она. – Надо же, как получилось! Но ничего, ты такая бессердечная ведьма, раз разбиваешь чужие сердца, что наверняка и боли не чувствуешь.

Ингрид мило улыбнулась и удалилась вместе со стайкой своих подружек. Я даже ответить ничего не успела. Да и не до того мне было! Переоденусь в спортивную форму позже. Благо, сегодня по расписанию физкультура. Плевать на боль, плевать на их издёвки. Это все закончится, как только я поговорю с Марком.

Я разблокировала телефон и зашла в Твиттер, в диалоги и... Бум! Он меня заблокировал! Что? Как так!? Не может быть! Фейсбук? Я судорожно колотила ногтем по деревянному чехлу телефона, пока страница грузилась. Тоже закрыто. Инстаграм? Я в черном списке. Вайбер,

Телеграм, ВатсАп – везде блок. На глаза навернулись слезы. Он заблокировал меня везде, где только можно. Или все же нет? СМС я же все ещё могу ему написать?

Не могу. Рядом с теми тремя словами, что я попыталась ему отправить «Поговори со мной» высветился знак сбоя. «Абонент добавил ваш номер в черный список» – гласило пояснение. Всё. Я почувствовала, как у меня начали неметь и трястись руки. Чтоб не разбить телефон, аккуратно положила его на подоконник и на нетвёрдых ногах, по стеночке, под прицелом уничижающих взглядов, поползла к соседней двери, за которой находилась дамская уборная.

Закрыв за собой дверь на защёлку, чтобы никто не пришёл добить меня ещё больше, я сползла по стенке и с такой силой закусилла нижнюю губу, что почувствовала вкус крови и слёз у себя во рту.

Вот и сейчас я в этом же самом туалете. По крайней мере, теперь у меня есть силы стоять, пусть и опершись на раковину. За три дня ничего не изменилось – вся школа продолжает меня ненавидеть и терроризировать, Марк игнорирует и строит из себя несчастного, а я плачу – но одна вещь все-таки претерпевала изменения. Причем, по триста раз на дню – это моё отношение к Марку.

Вот только, казалось, секунду назад, я убеждала себя, что, наконец-то, созрела. Разглядела, какой Марк на самом деле, как он обошелся со мной, как ведёт себя на людях... Но, черт побери, в следующую секунду, я готова простить ему все это, готова терпеть его, обкуренного по самую задницу, рядом с собой, прикрывать его перед его родителями и учителями, прощать ночи, которые он проводил с другими девушками, лишь бы он снова позволил быть рядом... Просто рядом... Ну что за идиотка!?

Я собралась с силами и взглянула на свое отражение ещё раз. Разве я заслужила прибывать в таком состоянии? Нет. Ни один человек в мире этого не заслуживает. Мои зелёные глаза в обрамлении красных полопавшихся капилляров, с потёкшей тушью, в момент охладели. Я не сильная, но я справлюсь. У меня просто нет другого выбора.

Идти на философию уже просто нет никакого смысла. Помешаю тем, кто уже включился в рабочий процесс, а у учителя будет повод как-то меня лишний раз поддеть. Лучше, пересажу оставшиеся полчаса в библиотеке, там наверняка никого не будет. Даже мисс Гертбер – библиотечарша – появляется там раз в неделю.

Я подняла с пола свой рюкзак и вышла в пустой коридор. По центральной лестнице идти не хотелось, ведь там стоит почетный караул у флагов ко дню расторжения унии со Швецией, который, кстати, будет праздноваться уже послезавтра. Лучше пройду по пожарной лестнице, не съедят же меня за это (если не поймают).

Стоило мне только спуститься на один пролёт, как я тут же об этом пожалела. Навстречу мне, перескакивая через две ступеньки, поднимался Зерах Гуревич. Он не появлялся в школе с выпускного. Наверное, боялся за свою шкуру... А теперь прознал, что главным объектом агрессии являюсь я, так и решил вернуться. Аттестат-то ему в любом случае сегодня тоже надо получить.

Не знаю, каким ветром мне в голову занесло эту мысль, но, по-моему, это знак. Может стоит поговорить с ним? Попросить о помощи, пока он не просквозил мимо меня с опущенными глазами? Если да, то надо решаться. Парень уже на полпути ко второму этажу и сделал вид, что не заметил меня.

– Зерах! – окликнула я его. Он остановился, и, раздумывая несколько секунд, все же вернулся и подошел ко мне.

– Кира. – учтиво кивнул он.

У меня внутри все тряслось. Я заламывала себе пальцы, чтобы справиться с нервами. Сейчас мне совсем не нужна такая его холодность...

– Зерах, – голос у меня дрожал. – Ты же знаешь, в какой ситуации я оказалась...

– Трудно не знать, вся школа об этом гудит. – усмехнулся Гуревич.

– Вот именно. – подтвердила я. – Но мы же с тобой знаем, что всё было не так! Можешь, пожалуйста, попробовать поговорить с Марком или его бандой и объяснить всё... Меня он и слышать не хочет.

– Я вчера говорил с Марком.

– Что? – не поняла я.

Если Зерах говорил с Марком, то почему все кругом до сих пор меня ненавидят? Почему Марк не поговорил со мной? Разве все не должно было вернуться на круги своя?

– Вчера вечером Марк с бандой пришел ко мне домой. – начал объяснять Гуревич. – Сказал, что мне нет смысла прятаться и что я могу спокойно вернуться в школу. Что я не виноват, что ты шлюха и посоветовал мне быть с тобой поосторожнее. Мол, мало ли с кем ты ещё там...

– Ты не сказал ему правду!?! – я не дала ему договорить. Мне с лихвой хватило того, что я услышала.

– Нет, любимая. – Перекатываясь с пятки на носок ответил Зерах.

Я почувствовала то же самое, как когда Ингрид облила меня кофе, когда Зерах назвал меня любимой. Это слово было брошено не просто так и мне потребовалось пара мгновений, чтобы свести все факты.

– Это ты! – я с силой толкнула парня в грудь. – Это твоя месть, за то, что я отказала тебе!

– Ты очень догадлива, любимая.

Меня снова переделернуло о этого слова. Но теперь весь запал моей злости рухнул куда-то вниз. Это была моя последняя надежда на восстановление справедливости – честность Гуревича перед Марком. Но нет. У меня не осталось шансов.

– Знаешь, Зерах, – задумалась я и опустила глаза. Ещё чуть-чуть и я заплачу. Уже чувствую, как щиплет глаза. – Ты называл Марка кретином и козлом... Но ты и сам не лучше.

Я поправила рюкзак на плече и почти побежала вниз по лестнице. У меня больше не было сил находится рядом с ним. Как можно быть настолько жестоким?! Он же ещё пару дней назад уверял, что любит меня «по-настоящему», а теперь готов на то, чтобы все кругом считали меня девушкой лёгкого поведения. Сколько? Сколько можно ещё это терпеть!?

Влетев в библиотеку, я уселась за первый попавшийся стол и уставилась пустым взглядом на стеллажи с журналами. Представьте ощущение, когда вас накрывают вакуумным колпаком и вы постепенно задыхаетесь? Вот у меня сейчас именно такое чувство.

Я не заметила, как пролетело время, но из кататонического ступора в реальность меня вырвал зазвеневший прямо над головой звонок, оповещающий о конце учебного дня. Надо идти в актовом зал на церемонию вручения аттестатов. Все учителя и ученики, которые меня терроризировали последние три дня соберутся в одном месте... Надеюсь, я смогу это пережить.

II.

Я топала в толпе по коридору, вперив взгляд в пол, чтобы никто не узнал в проходящей мимо блондинке «девушку, которая разбивает сердца». За последние пару дней мне уже сделали столько всего, что я начала бояться людей. В прямом смысле этого слова. Шарахалась буквально от каждого, потому что боялась, что вот сейчас меня толкнут, или обольют, или наступят на ногу, или обзовут, да даже просто одарят презрительным взглядом... Поэтому было очень некомфортно идти плечом к плечу с теми, от кого ждёшь удара.

Но это было сущим ничтожеством по сравнению с тем, что будет ждать меня дальше... Каждого из выпускников будут лично вызывать на сцену для вручения. И чего уж там грех таить, зная, что Марк с бандой собирались сделать с лузерами школы на выпускном вечере, даже страшно представить, что может ждать меня, когда я пойду за своим документом.

Да и педагогический состав во главе с завучем, которая ненавидела меня и до всей этой истории, не внушал успокаивающего доверия. Вступаться они за меня точно не будут, но почему-то я не исключаю, что они даже вполне может быть примут участие в моем публичном унижении...

Так! Выброси все дурные мысли из головы, Кира! Ты просто себя накручиваешь не по делу. Они педагоги – они не имеют права навредить ученику. Это первое. А второе, даже если унижение и будет грандиозным, ты все рано ничего с этим поделать не сможешь!

У меня вырвался нервный смешок. Слава Богам, что вокруг такой шум и гам, что на это никто не обратил внимания.

Сцена в актовом зале была украшена флагами страны и школы, гелиевыми шарами и прочей, по моему мнению, совершенно ненужной ерундой. На ней уже выстроились учителя, а к ступеням вела красная ковровая дорожка... Для чего всё это, если после девятого из трехсот четырнадцати человек уходит всего восемь, даже если считать вместе со мной!?

Я прижалась к стенке где-то на задворках. Свободных кресел тут предостаточно, но мандраж у меня такой, что вряд ли я выдержу сидеть на одном месте. Чтобы избавиться от преследующей меня паранойи, что кто-то обязательно должен меня обидеть, я решила подвести итоги.

Моя школьная жизнь окончена. Девять лет пролетели перед глазами, как одна сплошная картинка. Что было для меня лучшим за эти годы? Первой в голову пришла мысль о наших отношениях с Марком. Ничуть не удивлена! Но следом за ней пришло и осознание, что это скорее попадет в номинацию «худшее». И от этого стало больно.

Я скрестила руки на груди, будто физически стараюсь удержать себя от слез и сделала глубокий вдох с закрытыми глазами. «Давай попробуем ещё раз!» – обратилась я сама к себе. Что же было лучшим?

В воспоминаниях клубились абсолютно разные картины... Летний школьный лагерь, новый год в шестом классе, который мы решили отметить в стиле Хэллоуина, первая защита проекта по географии, как мы всем классом сбегали с урока и прятались в холле у столовой... Но ничто не сравнится с экзаменами!

Да, сдача итоговых экзаменов в этом году – это и есть самое лучшее. Мы сдавали их не в школе, а в доме культуры. И ничто не сможет сравниться с этим чувством, когда вы всей толпой идете через весь город на этот экзамен. Кто-то четко пытается подучить материал, кто-то лучше спрятать шпоры. Ты подбегаешь к списку и разыскиваешь в нем свое имя, чтобы узнать номер аудитории в которой будешь сдавать, переживаешь, правильно ли ты посмотрел, ищешь, кто будет с тобой в одном кабинете. И когда начинают выходить кураторы с номерами аудиторий на табличке, ощущения, как будто тебя вызывают на «ГОЛОДНЫЕ ИГРЫ». Столько

эмоций и единства среди учеников не было ни в один другой учебный день. А экзамены объединяли.

Мои мысли прервал звук захлопывающихся дверей. Это меня бесило всегда – на время торжеств нас зачем-то закрывали снаружи. Чтоб не сбежали что ли? Бессмысленно! Дверь из гримёрки за сценой всегда открыта, но туда ещё надо добежать...

Стуча каблуками под звуки гимна школы на сцену поднималась завуч по внеклассной работе – мисс Ольв. Непомерно строгая, но, тем не менее, справедливая женщина. Она меня недолюбливала с третьего класса, когда я разбила нос однокласснику за то, что он нарисовал меня мелком на асфальте на спортивной площадке с пачкой сигарет и бутылкой пива. Ей стоило больших трудов оправдаться перед родителями пацана и с тех пор мисс Ольв смотрела на меня косо. Более-менее у нас наладились отношения, когда я стала встречаться с Марком и тот по новой «представил» нас друг другу. Даже любопытно, как она поведет себя со мной теперь?

Гимн закончился, и она подошла к тумбе, на которой уже была сложена стопка наших аттестатов. Меня вызовут одной из первых, спасибо моей фамилии, но вряд ли мне это поможет. Всё равно раньше окончания всего этого действия из зала никого не выпустят.

– Уважаемые ученики! – обратилась мисс Ольв к зрителям. Конечно, без муторных речей никуда... – Этот год, наверняка, стал для вас и нашей школы не самым легким. И, как уже многие догадались, я говорю не только об итоговых экзаменах. В январе наша школа подверглась жуткому и непростительному проявлению жестокости – ужасному террористическому акту, унесшему жизни и ранивших сотни наших детей. Почему я начинаю столь радостный для вас праздник с напоминания о такой страшной утрате, должно быть думаете вы... А я вам отвечу: из-за надежды! Виновные в нашей общей трагедии так и не были найдены, и я верю, что вы не оставите это просто так. Возможно, кто-то из вас после школы будет бороться с мировым терроризмом профессионально, кто-то поможет предотвратить теракт своей гражданской бдительностью, а кто-то хотя бы просто не примкнет к рядам террористов. Я надеюсь, что в стенах этой школы мы с нашим педагогическим составом смогли дать вам все необходимые интеллектуальные, социальные и моральные навыки, необходимые вам для достойного продолжения вашей ещё только начинающейся жизни. Ваши светлые головы должны создавать такое же светлое будущее для всего мира. Вы наша надежда.

Фу, Боги, аж противно стало! «Светлое будущее для всего мира»..! Я вас умоляю, мисс Ольв. Да большая половина из нас за свою жизнь максимум доедет до границы со Швецией. И то, только чтобы затариться дешёвым алкоголем и сосисками. А она ещё и приплела к «вдохновляющей выпускной речи» теракт, произошедший у запасного выхода с пришкольной территории этой зимой.

Нашего класса в тот день не было в школе, мы ушли после второго урока в Музей Новой Эпохи и не попали в это месиво. И это был единственный раз, когда я действительно радовалась, что три часа созерцала объекты современного искусства (если их, конечно, можно так назвать, чтобы Буонаротти, Рафаэль и Брюллов в гробах не попереворачивались).

Завуч наслаждалась жидкими аплодисментами, которыми ученики одаривали её чисто из вежливости. Она этого явно не понимала и активно кивала головой во все стороны. Ещё чуть-чуть и на поклон бы вышла.

Мне-то такое затянутое вступление было только на руку. Чем дальше будет минута, когда мисс Ольв назовёт мое имя, тем дальше будет моя возможная расплата за преступление, которого я не совершала. Я чувствовала, как буквально каждая клеточка моего тела трясётся по отдельности, притом, что умом я была совершенно спокойна.

Начали вызывать учеников. Первым был Томас Абъдьёрт. Как только он поднялся со своего места и заиграла торжественная музыка, я закрыла глаза. Не хочу наблюдать за всем этим цирком. Итак всё ясно, что будет дальше. Он пройдёт на центр зала, по красной дорожке поднимется на сцену, пройдёт мимо ряда аплодирующих педагогов, мисс Ольв пожмёт его руку,

поздравит, вручит аттестат и отправит к секретарю за сценой, чтобы он расписался, что получил документ и, так как остается продолжать обучение, оставил аттестат в школе. Дома перед родителями он им похвастаться не сможет. В отличие от меня. Мне корочку здесь оставлять не придётся, она теперь со мной на всю жизнь.

Перед тем, как вызовут меня, такой же путь проделают ещё пять человек. Главное, ориентироваться на что-то конкретное, чтобы не споткнуться, не впасть в истерику и, если надо мной всё-таки попробуют поиздеваться, держаться достойно... Но на что? Стефан Адверт уже тоже получил свой аттестат...

Не знаю, почему мне это пришло в голову. Но я решила ориентироваться на Зераха. Это единственный человек, который знает правду и не будет смотреть на меня с открытой ненавистью, презрением и насмешкой. Может, с обидой, но не с презрением... Я резко открыла глаза и постаралась найти, на каком месте он сидит. Народу было так много, что мне это удалось сделать с трудом. Но вот он! Пятый ряд, второй в правом крыле. Почти у самой красной дорожки.

Всё. Дело решено. Меня вызовут следующей. Я глубоко выдохнула и сжала кулаки.

– Кира Анконнен! – объявила мисс Ольв на весь актовый зал.

Я пробралась сквозь ряды, вперив взгляд в пол и встала на «выпускную тропу». Сердце колотилось где-то в районе макушки. «Подними голову!» – приказала я себе и расправив плечи направилась к сцене.

Хорошо, что в помещении было относительно темно и только цветные прожектора подсвечивали происходящее. Ни то все бы увидели, как у меня бегаёт взгляд, осматривая все вокруг в ожидании напасти. Как у оленёнка, за которым ведётся охота. Но пока я слышу лишь осуждающий свист за спиной от банды Марка. Что ж, если это все, что мне предстоит, то я справлюсь.

Ах! Ну конечно же нет! На выпускном главное оскорбление, которое можно получить, это не неуважения учеников, а неуважения учителей. Как же, я же обидела золотого мальчика! Учителя мне не аплодируют, и даже встали в пол оборота. Мисс Ольв не подала мне руку и ничего не сказала. Только протянула аттестат и указала за сцену.

Хорошо. Это лучше того, что я ожидала. Даже почти не пришлось ориентироваться на Зераха. Но мне было так обидно. Я не хотела плакать, но глаза и нос защипало. Это мой выпускной! Он никогда не повторится, и я провожу его так...

Я быстро черкнула какую-то загогулину в документе, в месте, которое мне указала наша старая бухгалтерша своим кривым пальцем и поспешила обратно в зал. И близко больше не подойду к своим ровесникам, педагогам, ни к кому из этой школы.

Я вышла в зал из засценного коридора в самом дальнем углу, где располагаются специальные боковые места для журналистов, которые посещают нашу школу, когда тут проходит какой-нибудь важный праздник или конкурс талантов.

Это Муниципальная школа Ньёрстхейма – единственная в городе, если не считать школы-интерната, который находится в паре кварталов отсюда. Нельзя сказать, что город у нас маленький, нет. Население в прошлом году перевалило за девяносто тысяч, развивается бизнес. Сколько всяких офисов и контор у нас в центральных высотках и не пересчитать! Но всё равно, такое ощущение, что это большая деревня и не от большого количества частного сектора на окраинах... Отчасти из-за того, что школа одна на всех. Так или иначе детям и родителям приходится взаимодействовать и знакомиться друг с другом, но в большинстве своем из-за наследия. Население хоть и растёт, но фактически не меняются. Семьи знают друг друга не то, что годами, веками! Все знают, кто чей дедушка, у кого какие проблемы были лет сорок назад и так далее...

Думаю, не стоит упоминать, что в моей истории мне на пользу это не пошло. Весь город был в курсе, но доставалась мне, слава Богам, только от школьных.

Я сидела с закрытыми глазами, опершись затылком о стену и старалась ни о чём не думать. Обычно, когда мне нужно было отключить голову, я начинала контролировать свое дыхание на «вдох-выдох» отдавая эти указания себе. Но в этот раз так не получалось. «Вдох-выдох» ушло на второй план и говорилось на автомате, а на переднем плане были мысли о Марке...

Черт, неужели я действительно его настолько люблю, что готова простить ему все унижения, через которые прошла и которых не заслужила? Не смогу дать себе четкого ответа, не смогу принять какого-то конкретного решения и действия, просто потому... Ох, да просто потому что мне страшно! Что, если я сунусь и сделаю только хуже? Но продолжать терпеть это – тоже не выход!

– Поздравляем наших учеников с получением общего среднего образования! Ура! – привёл меня в чувства возглас миссис Ольв.

Мне не придется терпеть! Я закончила школу! Всё, мне больше не нужно тут появляться! Двери актового зала открылись и я, как всё тот же оленёнок, которого выпустили из клетки рванула, обгоняя всех, на волю, подальше от злых проблем.

Я нехотя переставляла ноги по тротуару, уже предвкушая, что ждет меня, как только я перешагну порог собственного дома. Это гораздо хуже, чем издёвки одноклассников, потому что от нотаций своей семьи мне никуда не деться.

Мама не упускала ни единой возможности упомянуть, какого же хорошего мальчика я потеряла. Причём рассказ, как Марк дал мне пощёчину и даже не выслушал, она точно и не слышала. Для неё он самый лучший, собственно, как и для всех окружающих.

Вот и мой дом... Он выглядит сравнительно небольшим снаружи, но внутри хватает места для всей нашей семьи: меня, мамы, отчима и бабушки (по маминой линии). Глубокий выдох и я, поднимаясь на веранду, открываю дверь.

«Тяф, тяф!» – тут же доносится до меня щенячий лай из гостиной и две пары маленьких лапок со всей скоростью, на которую способны, цокают в мою сторону.

– Ай ты мой сладкий! – я хватаю зверёныша на руки и прижимаю к щеке.

Это Васат – щенок аляскинского маламута. Ему всего два месяца. Мне подарили его в день, когда я сдала последний экзамен пару недель назад. Я была так счастлива, когда Грэг – мой отчим – протянул мне коробку с этим чудом. Да и сам Грэг радовался ничуть не меньше, весь красный от смущения и с широченной улыбкой. Чего нельзя было сказать о маме, она явно с недоверием поглядывала на Васата, видимо, это была не её идея и она от неё была не в восторге. Но терпеливо стояла рядом, пока мы вдвоем тискали это мохнатое чудо природы.

– Кира? Это ты? – в коридоре появилась молодая женщина с планшетом в руках и квадратными очками на кончике аккуратного острого носика. Судя по всему, она спешила на кухню.

– Привет, мам.

– О, Боги, когда же ты уже перекрасишься! – воскликнула она, взглянув на меня мельком.

Я закатила глаза. Это было её обычное ежедневное приветствие. Она всегда ждала, что одним прекрасным днем я заявлюсь домой с не таким идеально холодным блондом, ну а хотя бы русой, как она сама. И эта порядком приевшаяся традиция уходит глубоко в историю, не то что бы нашей семьи, скорее, маминой жизни...

Её не устраивает цвет моих волос из-за того, что это живое напоминание об ошибке её молодости – моем отце. Маме было восемнадцать, она училась на факультете журналистики в королевском государственном университете, мой отец учился там же, но на историческом факультете, третий курс. И однажды историков направили на практику на археологические раскопки, а мою маму отправили с ними, чтобы написать об этом статью в студенческую газету...

Ну, как сами понимаете, у них там закрутился роман, но в середине срока, отведённого на раскопки, мой отец исчез. В буквальном смысле. Его подавали в розыск, думали, может заблудился где-то в лесу или на него напали дикие звери, но нет. Его и след простыл, как будто и не было. Ни на раскопках, ни в институте, ни в своем собственном доме он больше никогда не появлялся.

А через два месяца мама узнала, что беременна мной. Хоть она и говорит, что не в обиде на моего отца, ведь он даже не знал, да и не мог знать, о том, что я существую, поведение её каждый раз, как разговор заходил об этом человеке, говорило совсем об обратном...

Аборт она делать не хотела, и моя бабушка – лучший хирург нашего региона – её поддержала, сказав, что аборт в столь юном возрасте может иметь весьма плачевные последствия. И если бабушка поддерживала маму, то дедушка этого совсем не одобрил. Когда он попытался заставить маму поменять мнение на счет меня, бабушка послала его ко всем чертям и выставила из дома, сказав, что родная дочь и внучка ей в тысячу раз важнее какого-то мудака.

Они растили меня одни до четырёх лет. Потом в жизни мамы появился Грэг и они поженились. Грэга совершенно не смущало, что у его возлюбленной есть ребёнок. Он был даже рад, так как своих детей иметь не мог. Кто-то может сказать, что я должна принимать Грэга, как родного отца... Ведь что такое четыре года!? Я и помнить-то ничего не должна, но нет. Грэг очень хороший, добрый, я безмерно ему благодарна и очень его люблю, но всё же назвать его папой у меня за всю жизнь язык так и не повернулся. Скорее всего, это неправильно, но что-то не дает мне это сказать.

Я кинула рюкзак к лестнице, ведущей на второй этаж, а сама последовала за мамой в кухню. Это было мое любимое место в доме. Не потому, что я люблю набивать желудок, нет... Просто это одно из немногих мест, скорее даже единственное, где я могу увидеться и поговорить с бабушкой Хильдой.

Она очень ценит и любит свою работу. Просто живёт ей. Да такому хирургу грех было бы не спасать жизни сутками напролёт... Но из-за этого дома она появляется, разве что на обед. И максимум на три-четыре часа ночью, чтобы отоспаться, и то не всегда. Но на обеде она присутствует регулярно, чтобы не случилось. Вот и сейчас она снова, как обычно, прячется за газетой.

– Здравствуй, бабуль! – здороваюсь я.

– Приветствую, Кира. – бабушка сложила газету и аккуратно положила её на край стола.

Для меня Хильда была образцом стойкости, выдержки и внутреннего стержня. Без всяких вопросов, в нашей семье была главная она, но своим правом на управление и запреты она пользовалась редко. Вообще, она включалась в семейные дела исключительно в том случае, если кто-то был на грани того, чтоб кого-то убить. А без этого, все вопросы оставляла решать нам самим.

– Пр продемонстрируешь мне свой аттестат? – учтиво поинтересовалась бабуля.

Я с небольшим страхом достала документ из внутреннего кармана джинсовки, протянула ей и устроилась на свое место за столом, по правую руку от неё. Я внимательно смотрела, как Хильда придирчиво изучает каждую строчку. Мне было не стыдно за свой аттестат – одна четверка не конец света.

– Умница, девочка моя. – наконец-то вынесла вердикт бабушка и вернула мне документ. – Прекрасный результат.

– Спасибо. – робко прошептала я.

– Да, – язвительным тоном поспешила добавить мама, доставая картофельную запеканку из духовки. – если бы ещё эта бумажка действительно была правдива. А то в последнее время она как-то совсем своего ума не демонстрирует, а скорее даже показывает его отсутствие...

Ну вот... И тут началось. Мама была очень не рада узнать, что мы с Марком расстались, да ещё и таким образом. Она считала, что мальчик из такой богатой и благополучной семьи для меня – лучший вариант, пиковый. А дальше я буду находить каких-нибудь алкашей или тиранов... И это в лучшем случае.

– Элизабет! – одернула её бабушка. – Закрой рот и подавай уже еду!

Я с благодарностью взглянула на Хильду. Она положила свою руку поверх моей и крепко сжала. Бабушка категорически запретила ругаться по поводу этой истории в её присутствии, считая, что я умная девочка и сама разберусь со своей личной жизнью, хотя ей тоже приходилось не сладко. Почти каждый знакомый начал косо смотреть на нашу семью после этого инцидента. И если мама придавала этому вселенский масштаб, то бабушка будто не замечала.

Мама продолжала бурчать что-то себе под нос и Хильда решила её отвлечь.

– Кстати, где Грэг? Опаздывает?

– Что вы, Хильда! Ни в коем случае!

В кухню вбежал Грэг, весь взъерошенный и чересчур счастливый. Он главный офицер полиции по северо-западному городскому округу и на работе ему приходится нелегко. Но обеды он всегда прибегает в последний момент, но сегодня задержался особо.

– Кира. – он восхищённо смотрел на меня. Теперь понятна причина его несусветного счастья. – Ты закончила школу! Поверить не могу! Иди я тебя обниму скорее!

Я поднялась со стула и Грэг, не смотря на свою не самую лучшую физическую форму, закружил меня в объятиях. Это мне в нем нравилось больше всего. Даже если у него на что-то нету возможностей (физических ли, или финансовых) он сделает все, чтобы сделать свою семью счастливой... С одним условием, если моя мама не будет против. И это мне в нем не нравилось.

– Поставь её на место, дорогой. – с холодным взглядом отчеканила мама. «Дорогой» она произнесла так, будто это было оскорбление. – Ей не пять лет, чтоб таскать её на руках.

– Конечно, конечно... – неразборчиво пробормотал Грэг и уселся за стол.

Я тоже заняла своё место, и мама выставила на выбор несколько блюд. Картофельную запеканку с курицей, отварную стручковую фасоль со сметанным соусом, отбивные, греческий салат...

– И на десерт фисташковое мороженное. – объявила она, присаживаясь по левую руку от бабушки и добавила: – В холодильнике. Возьмёте сами, кто захочет.

– Благодарю Элизабет. – кивнула бабушка, беря себе отбивную, и повернулась к отчиму. – Грэг, в чем дело? Проблемы на работе?

– Не то, что проблемы. – пожал плечами Грэг. – Просто выяснились новые подробности, скорее всего, как-то связанные с зимним терактом в школе.

– И что там? – любопытствовала я.

– Я уже начала об этом статью. – мама не дала ответить Грэгу, хотя вопрос я арестовывала именно ему. – В день теракта у вашего учителя физики, мистера Якобсена, украли машину. Следствие предполагало, что на ней могли скрыться одни из организаторов. Но на следующий день начался сезон активных снегопадов, и найти её стало невозможно. А сейчас эта машина оттаяла на сорок седьмой трассе Хайлтскор, ведущей к природному заповеднику.

– Именно так. – согласился Грэг отчаянно. – Но нам придётся очень сильно постараться, чтобы выбить из этой машины хоть какой-то толк для дела... Водительское стекло разбито, внутри её тоже замело и отпечатков фактически не осталось. Но на заднем сидении есть следы от большого количества крови. Возможно, кто-то из них был ранен и, как уже сказала Элизабет, дорога ведёт к заповеднику, и если так, то либо их оттуда забрали на вертолёте, либо они пытались скрыться в лесу...

– Вертолет в такой ветер!?! Не смей меня, Грэг! – фыркнула мама. – Тем более это не теракт на саммите G-20 со всем правительством, чтобы готовить ради него вертолет! Это

обычная школа. Наверняка какие-то лесные сектанты, протестующие против образования своими дикарскими методами.

На какое-то время воцарилось молчание и кроме звяканья приборов по посуде ничего не было слышно. Это одна из деталей, к которой нашу семью, так сказать, «приучила» я с детства. Если мы все вместе и пусть нам даже не о чем разговаривать, пусть лучше будет тишина, чем работающий телевизор или музыка. Чтобы никто не отвлекался друг от друга на сторонние шумы. Поначалу они ворчали на меня за это, но теперь привыкли. И, похоже, даже сами не против...

– Очень вкусные отбивные, мам. – я посчитала нужным отдать должное её кулинарным способностям, ведь отбивные были действительно объедение. – Ты приготовила по какому-то новому рецепту? Раньше я таких не пробовала.

– У меня получилось лишь жалкое подобие. – мама отвечала не отрывая взгляд от своей тарелки. – Это рецепт шеф-повара из ресторана «Ориентал», в который я, ты и Грэг идем завтра. Вот там-то ты попробуешь их во всей красе.

– Ого! – удивилась я. – А что за повод? Канун расторжения унии?

– Нет. – мама вскинула брови (явно дурной знак). – Мы идем на ужин с семьей Ларсенов, чтобы извиниться.

– Что!?! – я кинула столовые приборы на стол и краешек фарфоровой тарелки откололся. – Мама, Марк не хочет со мной говорить, а я с ним тем более!

– Ты не понимаешь, что это за семья, Кира!

– Прекрасно понимаю! – фыркнула я. – Они спонсируют школу, спонсируют вашу газету, спонсируют всё что можно, чтобы все вокруг им лизали задницы и яблоко недалеко от яблони упало!

– Марк не виноват, что ты решила променять его на этого паршивого Гуревича! – мама перешла на истерический полукрик. – Моя дочь променяла семейство Ларсенов на еврея! Позор-то какой!

– Во-первых, с каких пор ты стала расистом? А во-вторых, – я наклонилась через стол поближе к матери. У меня стали наворачиваться слезы. – я уже тебе рассказывала, как всё было. А ты продолжаешь оправдывать человека, который оклеветал, оскорбил и ударил твою дочь. Я твой ребёнок, не он! Ты должна защищать меня, а не его!

Я продолжала смотреть на маму, но она была абсолютно уверена в своей правоте. Её взгляд так и говорил: «Ты сама не понимаешь, что говоришь, ненормальная!». Я пыталась разглядеть в них хоть каплю сочувствия, но...

– Дай знать, когда вспомнишь, кем я тебе прихожусь... – севшим от горечи голоса, выдавила из себя я и поднялась со своего места. – Спасибо за обед, я больше не голодна.

Мне больше не хотелось их видеть. Никого из них. Да, логично было бы злиться только на маму, ведь это с ней я ругалась, но ни Грэг, ни бабушка не вступились и не поддержали меня. От этого было обидней вдвойне. Поддержки мне ждать неоткуда.

Я поднялась в свою комнату и кинула рюкзак на кровать, а сама уселась за косметическим столиком и уставилась на себя в зеркало. Я за всю жизнь столько не плакала, сколько за последнюю неделю.

Раздался скрежет. Васат открыл дверь, которую я оставила приоткрытой, с другой стороны и уселся у моих ног, в непонимании, закинув голову на бок. Его уши ещё не стояли и забавно переваливались со стороны на сторону. Это вызвало у меня улыбку.

– Хороший мой... – я подняла его на руки и обняла.

Я была не права. Вот она, моя теплая, мохнатая и безумно милая поддержка.

III.

На часах половина второго ночи, под боком у меня сладко сопел Васат, периодически подёргивая лапками, охотясь во сне на кого-то... А я всё никак не могла уснуть. И дело тут было даже не в том, что я терроризировала глаза и сквозь недавно спустившийся на город мрак, разглядывая свою комнату, которая теперь стала моим единственным ненадёжным убежищем.

Я думала об ужине с Ларсенами, который предложила мама. Даже не столько об ужине, а о том, что будет, если я пойду. Вряд ли Марк согласится прийти, ведь он просто выслушать-то меня не захотел, но, а если вдруг да... Я увижу его снова, уже не в той школьной атмосфере, в которой когда-то влюбилась в него. Я буду сидеть с ним за одним столом и, возможно, даже поговорю с ним. С человеком, из-за которого я себя ненавижу. Я ненавижу себя из-за него, потому что продолжаю его любить после всей той грязи, что он на меня вылил.

Где же у меня хоть капля гордости? Где вся та уверенность, с которой я убеждала маму, что не должна идти? Почему сейчас не могу убедить сама себя в этом? Что с людьми случается по ночам? Почему мы становимся такими слабыми с приходом темноты?

Заметив свои слёзы, я перевернулась на другой бок и закусилась край подушки. Мне было так больно, и я наконец-таки поняла, что подразумевается под «внутренней пустотой». К моему огромному сожалению, это ничуть не моральное состояние. Это вполне себе ощутимая физическая боль, будто тебя препарировали, как лягушонка, и вытащили все, что было внутри: сердце, легкие, желудок... Даже про печень не забыли. А потом зашили тебя обратно какой-то ржавой иглой. И всё это без анестезии.

У меня появилось безумное желание проверить все социальные сети Марка. Может, после объявления об ужине с родителями он хоть где-то меня разблокировал? Я очень хотела написать ему хотя бы пару слов. Или даже просто какой-нибудь смайлик типа луны, или листиков на ветру, чтобы между нами была хоть какая-то связь...

Васат проснулся и снова подполз мне под руку с тяжёлым, сонным вздохом. И это дало мне понять, что лучше не стоит даже пытаться себя обмануть. Он не разблокировал меня. А если и разблокировал, писать мне ему точно нельзя. Ведь с рассветом я снова обрету ту силу, что потеряла сейчас и буду жалеть о сделанном.

Я притянула Васата к себе поближе и положила ладонь на его теплое, мохнатое пузо. Глубокий выдох, и я закрыла глаза, дав себе обещание, что не открою их до самого утра.

Какое счастье просыпаться не от трезвонящего будильника, а от того, что тебе уже просто не хочется спать. Организм полностью восстановил силы и готов к любым задачам. Так и должно быть всегда. Какая разница, что на часах без десяти минут полдень!? Ближайшее время мне больше некуда торопиться...

Первым делом я потянулась за телефоном. Но нет, это было отнюдь не продолжение ночного порыва. Как я и ожидала, с утра меня меньше всего интересовал Марк. Точнее не так. Я думала о нем, но совсем не в том ключе, что пару – тройку часов назад. Просто доступ в интернет к новостям, музыке и соц.сетям это то, что сейчас мне было больше всего необходимо, а вставать к ноутбуку из тёплой постели, особенно учитывая то, что за окном клубился ужасный густой туман, не было совершенно никакого желания.

Примерно после четвертого трека Desiigner-а, и к концу обновлений в новостной ленте, дверь моей комнаты приоткрылась и со всей скорости на кровать взлетел Васат, с мокрыми и холодными лапами. Он прыгал по мне и облизывал так, что телефон с наушниками упал на пол. Ну кто ещё будет так радоваться, что ты просто проснулась, если не это мохнатое чудо? Я прижала его к себе, чтобы он не втоптал меня в кровать окончательно.

У входа раздался монотонный стук. В двери стояла мама и все беззаботное настроение куда-то в момент улетучилось.

– Я выгуляла Васата. Не хотела тебя будить... – сообщила мама со спокойным видом. Может, меня и не ждет ещё одна порция скандала?

– Спасибо. – поблагодарила я, почёсывая Васата за ухом. Я не знала, что сказать и чувствовала себя очень неловко от того, что мама продолжала стоять в дверях.

– Ну... – протянула она и с насмешливой улыбкой шагнула в мою сторону. – Грома и молний больше не предвидеться? Ты успокоилась?

Она сказала это так, как будто у меня есть варианты ответов. Смешно! Она снова хочет поговорить об этом чертовом ужине и Марке. Но сегодня мама по крайней мере настроена на диалог, а не на бессмысленный ор, как вчера...

– Да. Все в норме. – кивнула я, ожидая её действий.

– Что ж, тогда можно я тебе кое-что расскажу?

Я снова кивнула, и мама присела на край кровати. Васат прижался ко мне сильнее, закрыв от матери. Мой маленький защитник чувствует, что сейчас начнется промывка мозгов.

– Я очень хочу, чтобы у тебя все было хорошо. – начала она со стандартной фразы, которой всегда прикрывала желание мной манипулировать. – А чтобы у тебя все было хорошо, тебе нужно наладить отношения с Марком...

– О, Боги, мам!

– Подожди возмущаться. – потребовала она. – Мы обе знаем, как тебе дорог Марк.

Это всегда выбивало меня из колеи. И сейчас не исключение. Когда я скрывала свои чувства, а кто-то прямо в глаза говорил мне, что у меня они есть, мне тут же хотелось заплакать и глаза начинало щипать. Да, мы обе это знаем. И Марк это знает, но если он не хочет меня видеть, что я могу сделать.

– Это ничего не меняет. – прохрипела я севшим голосом, не давая слезам воли. Они уже стаяли в моих глазах, как линзы и видела всё вокруг я очень мутно.

– Послушай, Кира. – мама взяла меня за руку. – Вчера ты меня обвинила в том, что я тебя не слышу. Но это не так. Я поняла, что сделал Марк и что ты обижена. Я тоже очень зла на него... Но для твоего же блага тебе стоит его простить. Для твоего счастья...

– Это не прощают. – отрезала я.

– Но кофе же ты простила.

– Чего?

Я не могла понять, что за бред несет мама и при чем тут вообще кофе! Как можно простить мужчину, если его можно так назвать, который поднял на тебя руку!? Никак! И все бы выглядело менее смешно, но мама сама меня этому научила: «Мужчин много – я у себя одна».

– Помнишь, как мы с тобой и Грэгом ездили к морю, когда тебе было одиннадцать? По горам? – вспоминала мама. – Мы тогда купили холодный кофе в банках на заправке.

– Ох, да. Трудно забыть. – подтвердила я, всё ещё не понимая при чём тут эта история.

– Тебя укачало на горной дороге, а по всей машине был запах кофе... – мама усмехнулась.

– Я его потом три года не пила. Даже смотреть в его сторону не могла. – я тоже улыбнулась воспоминаниям. – Как только чувствовала, что кто-то в доме заваривает кофе, сразу бежать.

– Но сейчас ты с удовольствием пьёшь и капучино, и латте, и просто кофе с мороженым, не так ли? – вот теперь до меня дошло, к чему клонит мама. – Так же и Марк. Он, как кофе, сделал тебе неприятно. Но пройдёт время и ты снова заскучаешь по его вкусу. Проблема лишь в том, что Марк человек, его в удобный момент в магазине не купишь и ждать на полке он тебя не будет. Тебе нужно время, чтобы к тебе пришло прощение. Но лучше переступить через себя и подождать это прощение, рядом с временно неприятным человеком, чем потом, когда оно уже придет, бегать и искать Марка в каждом прохожем, понимаешь? – мама, подняв мой телефон с пола, положила его на подушку. – Поэтому я сейчас так настаиваю, чтобы вы помирились...

Чтобы потом тебе не стало больней. А не потому, что я люблю его больше, чем тебя. – она сделала паузу и улыбнувшись, сменила тему. – Принесу тебе завтрак сюда. А то дома такая влажность и холодина, что из постели лучше не вылезать!

Мама чмокнула меня в лоб и упорхала на кухню. А я сидела и думала, вроде бы она сказала все правильно, в её словах есть смысл и логика. Но буквально каждая её фраза говорила: «Ладно, я сделаю вид, что привела весомые аргументы, но ты все равно будешь делать, как я сказала».

Ложь в каждом слове или это только показалось, и она действительно просто беспокоится о моем будущем? Эх, умел бы Васат говорить, спросила бы у него. Собаки лучше чувствуют фальшь, может он бы помог мне разобраться...

Практически весь день я провалялась в постели, отдыхая от школы, и на автомате листая Инстаграм, думая о своем. Впервые за последние дни меня никто не терроризировал (не считая намеков мамы, которые я пропускала мимо ушей) и даже столь ненавистное сочетание «разбивать чужие сердца», которые встречались в подписях некоторых постов не вызывали у меня мурашек.

За обедом все было гладко. Настолько, что это даже сперва показалось подозрительным, но потом я сложила два и два. Бабушка наверняка запретила маме промывать мне мозги и мамочка явно не хотела палиться. Да ей это сейчас было и не нужно. Она «посадила зерно сомнений» в моей голове и выжидала, пока из этого что-нибудь вырастет.

Сказать, что её надежды были не оправданы – значит обмануть себя. Весь день я думала лишь об этом и, похоже, загоняла себя в ещё большую депрессию. Марк, Марк, Марк... Любое воспоминание, связанное с ним (до недавнего времени) было наполнено счастьем, а сейчас вызывает истерику.

Почему он так поступил со мной? Неужели за все то время, что мы были вместе, я не заслужила у него и капли доверия? Я ни разу не предавала его. Сколько раз, пока его «банда» крысилась от полиции, я вытаскивала его из участков, чтобы об этом не узнали его родители? Сколько раз, когда он пьяный вел машину, я пересаживалась за руль, когда тормозили ПС-ники, чтобы у него не забрали права, а я сама попадала на кругленькие штрафы? Сколько раз я даже ныкала у себя его дурь при шмонах? Я не ставлю это в упрёк, но неужели после всего этого, только из-за того, что я стояла с левым парнем в мужском туалете держась за руки, нельзя меня просто выслушать!?

В голове вертелась одна единственная фраза: я устала. Я устала любить его, я устала от своих мыслей, я устала от Марка в каждой моей слезе и новом всхлипе. Просто по-человечески устала, но не могу прекратить. Как будто подседа на наркотик моральной боли. Тихий голос разума шептал мне, что ни к чему доброму это дело не приведёт. Надо было что-то решать, пока приступ смелости не прошел.

Я кинулась к шкафу и сорвала с вешалки первое, что попало под руку. Хватит лить слезы в четырех стенах – это не решит мои проблемы! Марк не хочет говорить со мной? А я что, буду у него спрашивать!? Не хочет говорить, не надо. Но выслушать он меня должен.

Меньше пяти минут на сборы. Мне не нужно смотреть его сторис, звонить или писать, чтобы узнать, где он сейчас. Каждую ночь «Hill of smoke» был нашим домом и сегодня точно не исключение.

На каблуках я сбежала по лестнице в коридор, попутно заказывая такси, через мобильный сервис.

– Юная леди! – позвал мамин голос из гостиной, когда я уже потянулась к дверной ручке.

Уф! Как всегда! Не знаю, клубная ли одежда на меня так влияет или просто подростковый возраст, но каждый раз, когда я уже приняла решение и кто-то одергивает меня на полпути,

мне хочется разорвать его на куски. Я подошла к дверному проёму, повторяя себе только одно «Не груби, не груби!».

Мама с Грэггом сидели на диване. Грэг был погружён в просмотр научного сериала, а мама вязала на мелких спицах новый кардиган. Мне пришлось подождать, пока мама закончит ряд и поднимет на меня взгляд.

– Заказать такси? – спросила она беззаботно.

Ага, так я и думала! Серебристый короткий комбинезон, джинсовка, высоченная шпилька, густая черная подводка для глаз и небрежный, высокий начёсанный хвост. Трудно не догадаться, куда я собралась! У меня появилось такое ощущение, что даже если бы я в три часа ночи ворвалась к ним в спальню в одном плаще, поверх нижнего белья, с упаковкой презервативов в руках и сказала, что мне нужно к Марку, она и тогда бы спросила то же самое.

– Я уже. – ответила я отрывисто. – *A plus tard, maman.*

Мысли мои были заняты совсем другими вопросами. Я даже не помнила, как добралась до Hill-а, как расплачивалась по карте с таксистом. Этот момент просто выпал из моей жизни и очнулась я уже напротив парадного входа.

Всю меня трясло. На что я добровольно соглашаюсь!? Даже в школе меня терроризировали, а что будет здесь, если меня заметят, страшно и представить... Но Марк мне сейчас нужнее и важнее, чем я сама.

Во дворе была только пара человек, и то все они были заняты переговорами в ВатсАп-е. Я подняла голову и расправила плечи, изображая смелость и направилась к прозрачным дверям, через которые уже были видны несколько столиков.

– Стой.

Охранник схватил меня за плечо. Я так увлеклась поисками Марка, что даже не заметила Йоханеса – тридцати пяти летнего грузного мужичка, что работал тут охранником вот уже пару лет. Он добродушный и простой, но кто знает, может его отношение лично ко мне поменялось после всей этой истории. Наверняка кто-нибудь успел донести ему все в самых ярких подробностях.

– В чем проблема, Йоханес? – я выдернула руку и окатила его наглым холодным взглядом.

Боги, я так ни на кого не смотрела последнюю неделю, думала, что уже разучилась. Но нет, охранник сделал робкий шаг назад. Во мне было столько понта, что я бы запросто сошла за племянницу короля. Как минимум.

– Марк приказал не пускать тебя. – промямлил Йоханес в ответ.

Это немного вернуло меня на землю. Марк лично попросил не пускать меня. Обидно, больно... Но если я хочу добиться своего, то наглеть надо по полной.

– Да ты что? – протянула я. – А с каких пор Hill-ом запраляет Марк? Или за пару дней я что-то пропустила!? За этот год я оставила в этом заведении больше бабла, чем ты получил за всю свою жизнь! Так что отвернись, и сделай вид, что ты меня не видел.

Я сделала шаг вперёд, надеясь пройти, но Йоханес преградил мне путь, полностью закрыв дверь собой.

– Не могу, Кира. – он вперила глаза в пол и робко перебирал пальцами. – Правда, извини...

Во мне начала вскипать злость, но как раз в тот момент, когда я собиралась обложить охранника красочными матами, мне на плечо упала тяжелая рука.

– Так, так, так. Не уж-то девушка, что разбивает сердца, наконец-таки посетила нас.

Меня передёрнуло и я скинула с себя руку. Это был Левон, хозяин «Hill of smoke», ему всего двадцать два, но он уже владелец своей кальянной и разъезжает по городу на синем ягуаре. Такой талантливый бизнесмен? Конечно же нет! Папа проплатил ему все, что только можно, а он теперь только и делает, что строит из себя мафиози.

– Привет, Левон. – я решила проявить терпение. Все-таки он мог стать моим билетом во внутрь. – Да посетила, но только вот что-то твой «капо» меня не пускает.

Левон повернулся к Йоханесу и поправил ему фуражку.

– Какой же он капо? – фыркнул хозяин. – Обычный охранник, который выполняет свои функции, а я обычный хозяин заведения, который не хочет, чтоб с его кальянной началась третья мировая.

– Чего? – я сделала вид, что не понимаю, о чем он.

– Да ладно! Ты не глупая девочка, и сама знаешь, что начудила достаточно. – фыркнул Левон. – Твоё появления явно вызовет неоднозначную реакцию. Так что я на стороне Йоханса, тебе лучше уйти.

Я ошущала, как надежда на то, чтоб увидеть Марка, тает у меня в руках, как комок снега. И этот снег очень больно обжигал ладони, почти до слез. Я даже почувствовала, как у меня защипало глаза. Меня загнали в тупик.

– Пропусти. Меня. – я старалась говорить жестко, насколько позволяло мое состояние.

– Малышка, ты что, все ещё надеешься вернуть Марка? – Левон картинно закатил глаза. – Боюсь, в этом здании тебя ждет разочарование...

– Это не твое дело! – огрызнулась я.

– Не моё. – кивнул он и коснулся моей щеки, закусив губу. – Я не ввязываюсь в детские интриги. Уходи, я спасти тебя пытаюсь.

Мыслила ли я здраво в этот момент? Сомневаюсь. Но осознание, что меня не пускают, красным шаром пульсировала в моей голове. Я совсем забыла, с кем говорю.

– Левон, – я подошла к нему вплотную и его рука сползла мне на шею. – Уж кто-кто, а мы оба знаем, что ты тут не только табаком барыжишь. И что мне стоит обмолвиться об этом Грэггу? Ему лишняя звездочка на погонах не помешает... Со мной ничего не будет, я запятнана, но чиста. А ты попадешь туда, где даже твой папочка никого не купит.

Я смотрела на хозяина Hill-а в упор, а он продолжал улыбаться с рассеянным взглядом. Черт, кому я угрожаю!?! Семья Адиванян одна из пяти самых влиятельных в городе, и уступает, наверное, только Ларсенам. И то, если уступает, а не идет с ними ноздря в ноздю...

– Эээх. В каком же ты отчаянии, раз принялась за угрозы? – вздохнул Левон и убрал от меня свою руку. – Йоханес, пропусти её. Я жертвую репутацию Hill-а, чтоб эти красивые глазки наконец-то увидели злую реальность. – охранник отошёл с пути, а его хозяин гостеприимно распахнул мне дверь. – Вперёд, малышка.

С этими словами вся моя жесткость пала, и я чуть не поддалась нервному срыву. Одними губами прошептала «Спасибо», я получила от Левона сочувственный кивок. В тот момент мне было некогда думать о его словах о «злой реальности», но уже через пару минут я поняла их в полном смысле.

От густого и сладкого дыма было невозможно нормально дышать. Проходя мимо столов, я видела, как парни, ещё почти дети, мои ровесники, уже и голову держать ровно не могут, но продолжают на автомате скручивать бланты. В соседнем зале, на танцполе, и без того не очень одетые девушки под дикие возгласы снимали с себя лифчики.

Я чувствовала себя очень неуютно и даже не могла понять в чем дело. Мне было ужасно стыдно за них. За каждого, кто находился там. Но почему? Здесь все как обычно, как и в любой другой день. Всё это было моей жизнью и это место я считала своим вторым домом. Время, что прошло с моего последнего визита сюда можно было измерить часами и тогда я была тут счастлива, а сейчас...

А сейчас я запахла джинсовку и скрестила руки на груди, закрыв свое декольте, которое в секунду показалось мне слишком вызывающим и уставилась в пол, чтобы не видеть этих идиотов вокруг, которые убивают себя. Я по памяти шла к VIP-room, в которой обычно обитала наша компания.

У меня появилось ощущение, что я переросла все это... Дым, оголенные тела, алкоголь. Это стало не чем-то весёлым, как было раньше. Это стало смешным и глупым. Я не могла поверить, что пару дней назад на их месте была я и радовалась этому.

В VIP-room народу ничуть не меньше, чем в обычных залах, но здесь больше знакомых лиц. И если там я прошла незамеченной, то тут меня могут ждать проблемы. Больше смотреть в пол не вариант, мне нужно найти Марка. Я поднялась на так называемый балкон, который шёл по периметру всего помещения, и пробиралась сквозь танцующую толпу к боковым кабинкам.

Тааак, я уже спалилась. Мари Герксон заметила меня и её округлившиеся поначалу от удивления глаза сузились в насмешливом прищуре. Она смотрит на меня, как касатка на раненого морского котика. Того и гляди сожрёт и не задумается даже. Где же Марк!? Может, если я успею с ним поговорить, то даже когда Мари растрюндит о том, что я тут всем вокруг, вселенского конфликта не случится.

Я остановилась, как вкопанная, и напрягала глаза, всматриваясь через дурманый туман и отблески цветных софитов в каждый квадратный сантиметр VIP-room. Он же всяко где-то здесь...

Когда я увидела Марка, в моей голове будто что-то щёлкнуло. Мой любимый человек сидел в одной из кабинок на кожаном диване и целовал Эву, мою так называемую «подругу»... Рядом сидели Лидьяна и Амалия, тоже «подруги». Хотя, скорее у них всех было звание фрейлин, когда я была тут королевой со своим королем, с Марком...

Я увидела глаза Марка, полные дурмана. Сейчас в нем не было самосознания, он даже вряд ли соображает, где находится. Но это не показалось мне оправданием. Во мне заиграла гордость, о которой я прежде раньше и не думала, и спокойно прощала такое.

Да, это было безумно тяжело, да, невыносимо. Но я заставила себя развернуться и уйти. Причем, не позволив себе поддаться эмоциям, не пролить ни слезинки. Чтобы я пыталась оправдываться перед этим!? Как я пришла сюда в бессознательном состоянии, так и вышла. Единственное, что помню, перед тем, как очнулась в пяти кварталах от кальянной на стоянке круглосуточного супермаркета, как послала на выходе Левона, который ляпнул мне что-то вроде «Убедилась, малышка?»...

Я села на ограждение, скинула с ног туфли на высоченном каблуке, распустила хвост и покрепче укутавшись в джинсовку (ночь, всё-таки была совсем не жаркая) начала пытаться разобраться, что произошло. Я чувствовала неотвратимо приближающуюся истерику и заставляла свой мозг работать быстрее.

Почему-то в голову не лезло ничего вразумительного. Чего я ждала от Марка? Я же прекрасно знала о том, что он только строит из себя страдающего и обиженного. Но, может мне хотелось верить, что это его действительно хоть чуть-чуть беспокоит. Как же это, должно быть, глупо выглядело со стороны...

А от «подруг»? Нет, я не ждала, что они поддержат меня в этой истории. Последнее время им было плевать, что происходит. Раньше мы просто общались, но когда в начале учебного года я стала встречаться с Марком, и мы плавно перешли из среднего звена в «элиту» школы... Они ходили за мной, только чтобы оставаться в более значимой компании. Им уже не была нужна я, как подруга, им было нужно то, что они могут получить, общаясь со мной.

Я усмехнулась, вспомнив нашу давнишнюю недо-ссору с Эвой.

Это случилось в октябре, к тому моменту я уже больше месяца была с Марком. Эва осталась у меня с ночёвкой. Мы сидели допоздна в Инстаграме и у одной её знакомой в истории в кадр попался Марк, на коленях у которого, прильнув к его груди с бокалом в руках, сидела какая-то девица. И выглядели они довольно счастливыми.

Естественно, тогда ещё не думающая о корыстных целях, Эва продемонстрировала мне сию картину... И я улыбаясь ответила ей: «Пусть развлекается!».

– Ты это сейчас серьёзно? – последовал вопрос от неё.

– Естественно. – пожала плечами я.

– Ки-ра! – взревела Эва. – Мне можешь сказать правду! Что с тобой происходит? Все остальные не видят, как этот сукин сын с тобой обращается, только потому, что ты ему это спускаешь...

– Заткнись, Эва! – приказным тоном прервала я. – Не смей его так называть! Он хороший.

– Хороший. – немного поникнув, согласилась подруга и спустя минуту добавила. – Говнюк он хороший, раз так себя ведёт с тобой! Почему ты ему это прощаешь? Жестокость к тебе, других девочек в его постели? Что с тобой не так?

Тогда я не понимала всех этих обвинений. Да и сейчас не совсем осознаю, что позволяла делать с собой всё то время.

– Потому что я люблю его. – вкрадчиво произнесла я. – И я хочу, чтобы он был счастлив. Но его счастье ограничено, потому что он сидит на беде. Тебе бы не обвинять его, а посочувствовать. Пусть делает, что хочет.

– Ты дура, Кира Анконнен.

– Закрой эту тему, Эва. – я вытерла предательскую слезу со щеки. – У меня нет настроения вступать с тобой в полемику. Давай лучше пиццу закажем, а?

– Двойной салями?

– Ага.

Вот теперь-то она поймёт, о чем я говорила тогда. Эва поймёт, что если она будет хоть в чем-то ограничивать Марка, то очень скоро попрошайтается со всеми мечтами на счёт него. Как это сделала теперь я. И должна признаться, чувство не из лёгких... Подруга она мне или нет, не знаю, но точно не желаю, чтобы она это почувствовала.

А вот и истерика подросла. Руки начало трясти, я выронила телефон и он упал на газон. Вдохнуть полной грудью стало невозможно. Слезы потекли из глаз, а из груди вырвался громкий стон. Я зажала себе рот ладонью. Лучше уж задохнуться, чем привлекать к себе внимание в таком состоянии. Моя внезапно давящая о себе зная гордость меня погубит! Я должна была поговорить с Марком... Я хочу к Марку...

Похоже, сон стал моим единственным лекарством от несчастной любви. Все душевные порывы сходили на нет после пары часиков сладкого забытья и на их месте появлялась какая-то здравая адекватность, но ненадолго.

На следующее утро я скидала все свои откровенно клубные вещи в мешок и закинула подальше в кладовку. Это решение далось мне легко, ведь я точно знала, что это не моя шкура, не моей среды обитания. По крайней мере теперь.

А вот что мне делать с ужином, я так и не определилась. Ровно настолько, насколько я хотела увидеть Марка и объясниться, я не желала с ним встречи после вчерашнего. Я не понимала сама себя и это убивало.

– Кира, спускайся! – позвала к обеду мама.

Я кинула телефон на подушку и направилась вниз. Васат восторженно побежал следом. Знает, что что-нибудь ему да перепадёт. Мама крутилась у плиты и не видела ничего вокруг, Грэга ещё не было, а бабушка, как всегда, читала газету. Я села на свое место и долго не могла решиться, но все-таки шёпотом спросила.

– Ба, что мне делать сегодня?

Хильда посмотрела на меня поверх газеты и вскинула брови.

– Сегодня у нас тяжелая плановая операция на сердце одному очень интересному господину... – отвечала бабушка, сосредоточившись на словах. Я не могла понять причём тут её рабочий график. – Когда утром я проводила осмотр, он мне заявил: «Знаете, я знаю, что вы

лучший специалист, а ещё знаю, что и процедура не из лёгких. Но, если что, не бойтесь меня убить!» Я спросила у него, почему же он не боится смерти... Он сказал: «А-а-а, да каждому свой срок отмерян. Мама мне говорила, что умереть боится только тот, у кого честь запятнана, которым унижаться приходилось. Такие хотят себе жизнь продлить, чтоб у них было время реабилитироваться. А я чист, мне перед своей покойной родней на том свете появиться не стыдно, если уж мой час пришёл». Интересные взгляды у мужчины, не так ли?

– Я поняла бабуль, спасибо. – улыбнулась я.

Хильда отвесила мне уважительный кивок и снова спряталась за газету.

IV.

Слова бабушки заставили меня взглянуть на эту ситуацию по-другому. Ведь действительно, я не сделала ничего такого, за что мне нужно унижаться и извиняться или оправдываться, если меня к тому же ещё и не хотят слушать.

Демонстративно, я сидела за столом дольше всех и не торопясь наматывала спагетти на вилку. Грэг уже снова убежал на службу, а Васат дремал под столом после внушительного куска жареной курочки. Хильда тоже давно бы убежала на свою обожаемую работу, но она явно хотела проконтролировать, как я сообщу матери о том, что ни на какой ужин я сегодня не собираюсь.

Мама нервно глянула на свои тонкие золотые часы на руке и, подскочив со стула, схватила тарелку с остатками греческого салата.

– Так, – заявила она, недовольно оглядывая стол. – я думаю, уже же можно убирать? Кира, доедай быстрее и сделаем тебе причёску. Я купила красивейшую широкую заколку! Может хоть часть этой холодной белизны волос прикроем, раз ты против даже оттеночных шампуней..!

Я подождала, пока мама положит посуду в раковину, чтоб ничего тяжелого и сильно бьющегося не прилетело мне в голову. Ох, наверное, лучше зайти издалека. Пусть её злоба нарастает постепенно с уровнем понимания, чем она взорвется разом.

– А зачем мне шикарная заколка к моим любимым растянутым адидасам?

Я подняла ноги на стул и обхватила руками колени. С одной стороны, это была демонстрация, что серые спортивные уже действительно нормально поношены, но с другой стороны, я понимала, что сгруппироваться, на всякий пожарный, хорошая идея.

– Что прости, дорогая!?

Мама с разворота оперлась на кухонный стол и посмотрела на меня, как на врага народа. Обращение «дорогой», «дорогая», «дорогие» в её исполнении было равносильно самому грубому оскорблению. Что-то вроде: «Ох как же дорого вы все мне обходитесь!» Конфликта точно не избежать... Но я ничего другого и не ожидала. Чтобы Элизабет Анконнен согласилась сдаться без боя? Да никогда!

– Говорю, зачем мне причёска, если я остаюсь дома?

– Ты обязана пойти! – с промедлением ответила она.

– Обязана или нет... – у меня уже тряслись руки, я знала, что последует за моими словами. – Но на этом ужине меня не будет.

Раздался звонкий хлопок. Мама кинула полотенце, что было перевешено через ручку шкафчика на разделочную доску с такой силой, что мне показалось, она должна была развалиться.

– Что за черти в тебя вселились!? Ещё вчера ты сама бежала к Марку, а что теперь!? Ты хоть сама себя понимаешь, девочка!?

– Элиза. – предупреждая протянула бабушка. – Смени тон, я все ещё здесь!

Мама недовольно глянула на бабушку, но сжав кулаки и зубы, вернулась за стол и села напротив меня. Я видела, каких усилий ей стоит сохранять спокойствие и чувствовала себя виноватой. Она же знает, что я ничуть не менее упряма, чем она сама. Так зачем нам тратить время и ссориться, если каждая останется при своем?

– Кира, послушай меня. Ларсены не только родители Марка, но и мои партнеры. Они спонсируют нашу газеты, и мы не можем позволить себе роскоши обижать их. – я замотала головой, в знак несогласия. Мама встала со стула и перешла на новый аргумент, уже с более жёстким тоном. – Да и Марк не так плох, как ты о нем надумала. В конце концов, ты сама

виновата в вашей ссоре. Он лучший вариант для тебя и его нельзя упустить так глупо. Так что перестань строить из себя не пойми что и иди выбирай платье. Слава Богам, этого добра у тебя достаточно!

Я снова знаком показала, что не согласна, и это вызвало у меня улыбку. Ведь мама не понимала, что каждой подобной фразой не переубеждает меня, а наоборот, будит дух подросткового противоречия, укрепляя веру в правильности моего выбора. Теперь, даже если бы и все, что она сказала было правдой, я ни за что бы не позволила себе идти на поклон к Ларсенам. Чисто из принципа.

– Ты не имеешь права говорить мне нет! Я твоя мать!

– Элизабет! – Хильда ударила ладонью по столу. – Я не потерплю семейных скандалов на моих глазах.

– Кира, наверх!

Мама не растерялась ни на секунду и указала мне на лестницу. Я покорно встала и кинула последний взгляд на бабушку. Я знала, что она уже безумно опаздывает, и что убежит на работу, как только мы с мамой скроемся из виду. Она хотела убедиться, что Элизабет меня не убьёт за мой выбор, и она убедилась. Дальше я буду вести войну сама, но я уже благодарна бабушке, что она перенесла эту битву на мою территорию.

Я почти бегом поднялась в свою комнату, закрывать дверь не было смысла, все равно мама придёт через считанные секунды... У меня затряслись руки, я уселась в компьютерное кресло и, вцепившись ногтями в обивку, стала раскручиваться из стороны в сторону.

– Так, Кира Анконнен! – громогласно объявила мама, влетев в мою комнату и захлопнув за собой дверь. – Меня не интересует, какие там трагические любовные сценарии ты напридумывала в своей больной голове, но сегодня вечером ты идешь с нами на ужин в «Ориентал» и...

– И опозорю вас там. – перебила я маму. – Я не в состоянии вести себя прилично и мило рядом с человеком, который меня оскорбил. Так что, поверь, в глазах Ларсенов вы будете выглядеть намного в более выгодном свете, если меня там не будет!

– Ты сама-то понимаешь, какой бред несёшь!?! Это твой единственный и, кстати, последний шанс объяснить перед Марком!

– Меня не интересует Марк. – ответила я сдержанно и пошла к двери (снаружи шкрябался Васат) – Я благодарна ему, за время, которое мы проводили вместе, мне с ним было хорошо... Но объясняться, а тем более унижаться перед ним, я не обязана, как ты говоришь, и делать этого не буду!

Мама уже собиралась выдать новую порцию возмущений, когда в комнату влетел Васат и тут же прижавшись к моей ноге стал рычать на неё так грозно, насколько только позволял его щенячий возраст. Она удивлённо тыкнула в него пальцем.

– Эта шавка ещё и огрызаться на меня будет?

В ответ Васат твякнул с переходом на вой и кинулся на мамин палец. Я подхватила его на руки, чтобы предотвратить возможную трагедию. Если бы он её попытался кусить, то уже через пару часов стоял бы в очереди на усыпление, я была в этом уверена...

– Это не шавка. – строго заявила я. – И он не огрызается, он меня защищает. Тебе бы у него поучиться...

– Ты не забылась, девочка!?! Я твоя мать, ты не с подружкой разговариваешь!

– Да!?! – я сыграла искреннее удивление. – А я думала, что ты мама Марка, раз так о нём печешься, что даже готова выставить виноватой во всем произошедшем меня... Или как раз та самая подружка, которая ласково вторит Марку, какая я шлюха, лишь бы ему угодить. – ко мне подбирался приступ истерического хохота, но я продолжала делать вид уверенной в себе. – Я тебе уже дала свой ответ, мам. И делай с ним, что хочешь: выворачивай наизнанку, придумай какую-нибудь легенду для Ларсенов, как ты умеешь... Факт один – меня на этом ужине сегодня не будет. Всё.

Внутри у меня всё пылало. Но не от злости, а от обиды, которую нельзя было показать. Сколько всего мама могла бы услышать из моих разговоров, если бы хотела... Насколько бы лучше могла узнать мою ситуацию... Но ей это попросту не нужно. Она уверена, что все знает, талдычит своё и ей совершенно все равно, что происходит вокруг.

Хоть бы раз она услышала, что моя вина тут минимальна. Что Гуревич не захотел говорить правду, что Эва уже утешает «безумно страдающего» Марка, что в школе я просто стала объектом всеобщей травли в считанные минуты...

Я спустила Васата на пол, и он запрыгнул на кровать, грозно порыкивая. Воспользовавшись маминым секундным ступором, я села за ноутбук и включила музыку, показывая, что этот разговор окончен. Ужасно некультурно с моей стороны, и мне было стыдно за свое откровенно ребяческое поведение, но по-другому мама бы не поняла.

Я буквально чувствовала, как она прожигает мне взглядом затылок. Но все во мне буквально кричало, что я дала правильный ответ и что сейчас главное не спасовать из-за угрызений совести. Самоуважение должно перевесить все побочные эффекты. Не сейчас, так со временем... По крайней мере, я себя так убеждала.

Мамино терпение закончилось. Она захлопнула ноутбук прямо у меня перед носом с такой силой, что мне показалось, что он больше никогда в жизни и не заработает. Когда я подняла глаза, её и след уже простыл. Мама вылетела из моей комнаты, не потрудившись даже прикрыть дверь. Уж лучше бы она так ей хлопнула, чем ноутбуком!

Больше с разговором на эту тему мама ко мне не подходила, но пыталась отправить на переговоры Грэга перед самым выходом. Он осторожно протиснулся в едва приоткрытый дверной проем в черном смокинге, который сидел на нем как-то странно из-за предательского «семейного» пузика.

Я сидела на кровати с телефоном в руках и смотрела, как Грэг нервно раскачивается с пятки на носок, собираясь с силами чтобы что-то сказать. Да даже не что-то, а конкретный текст, который ему надиктовала буквально пару минут назад моя мама. Я видела, как ему трудно совладать с собой и в конечном итоге, он резво присел на край моей кровати и сцепил руки в замок.

– Не хочу навязывать тебе чужое мнение. – уверенно заявил Грэг. – Но и получить от твоей мамы тоже не хочу... Так что, я надеюсь, тебе не доставит сильных неудобств, если я посижу здесь пару минут для вида.

В этот момент у меня появилась надежда, что не все потеряно. Я же знала, что Грэг, так же, как и моя мама, мечтает, чтобы я наладила отношения с Марком, ведь из-за такого надуманного конфликта, у всей моей семьи появились совсем ненадуманые проблемы. И у Грэга, пусть не в таких масштабах, как у Элизабет, чью газету спонсируют Ларсены, как у госслужащего, они тоже имеются. Но он не позволяет себе приказывать мне, что делать, как бы несладко ему не приходилось. За это я его и уважаю.

– Ой. Нет, нет, нет, нет! – Грэг, выставил руки, пытаясь отгородиться от топающего к нему через скомканный плед Васата. – Мне не нужна шерсть на моем смокинге, милый лохматый зверь.

– Васат, ко мне. – позвала я и раскрыла для него объятия.

Пес, подпрыгивая, понесся в обратном направлении и, взгромоздившись ко мне на руки, попытался лизнуть меня прямо в глаз.

– Спасибо. – усмехнувшись, пробурчал отчим.

– Это я должна тебя благодарить...

Грэг ласково кивнул, поджав губы, и стал смотреть в окно на противную клубящуюся на улице морось. А я безуспешно пыталась успокоить Васата, на которого напал игривый и безудержный прилив собачьей нежности.

Следующие несколько дней стали для меня самым сложным испытанием, потому что проблемы валились со всех сторон разом. И что с этим делать, я не имела никакого понятия.

Во-первых, мое моральное состояние оставляло желать лучшего. По несколько раз за час я меняла свое мнение, относительно того решения, что приняла на счет ужина. То я считала, что поступила правильно и хвалила себя за выдержку, то проклинала все вокруг, из-за того, что была такой душой. И все бы ничего, только все это происходила где-то глубоко внутри меня. Я так устала радоваться или плакать, что если просто наблюдать за мной со стороны, то можно смело заявить, что я не чувствую ничего. Что я овощ. И это было бы замечательно, но к огромному сожалению это не так. Я все чувствую, но не могу собраться с силами, чтобы выразить это. Мне больно показывать свои эмоции. Я устала от них. Так же, как и все окружающие...

Во-вторых, ноутбук сломался. Мой любимый, замечательный ноутбук просто перестал функционировать на следующее утро. Даже не включался. Конечно, большая часть информации, что была на нем, также закинута в облачное хранилище, но пару папок со своим творчеством, которые я не хотела светить во всемирной паутине я все-таки потеряла. Насколько мне позволяли судить мои технические знания, после маминого удара разлетелся жёсткий диск – в этом была проблема. И я бы отнесла его в мастерскую, ведь наконец-то (что было очень необычно для нашего региона) установилась довольно-таки теплая погода, да и город был красиво украшен и заполнен ярмарками после праздника расторжения унии со Швецией. Но вместо этого я валялась в постели и не выпускала из рук телефон поочередно обновляя ленты во всех соц.сетях, что у меня были. И на это была следующая причина:

Я притворялась больной, чтоб мама поменьше выносила мне мозг. С момента своего возвращения с ужина с Ларсенами (на котором, по словам мамы, к моему великому удивлению, Марк все-таки появился) она не упустила ни единой возможности напомнить мне о моем скверном характере и запоздалом развитии, и я через силу старалась ей не отвечать, чувствуя свою вину... Нет, не за то, что не пошла с ними. А за то, что из-за меня пострадала машина Грэга.

Я не знала, что говорят обо мне в городе сейчас, но похоже виток слухов вышел на новый уровень. И новая волна обсуждения привела к тому, что на машину моего отца вылили банку фиолетовой краски и каллиграфично вывели «воспитывай свою гребаную дочь». И, естественно, такое событие тоже не вызывало у меня особого желания одной выходить на улицу, или даже с мамой или Грэгом, чтоб только больше навлекать на них беду. Так что ремонт ноута подождет.

Вкупе все эти проблемы буквально душили меня. И единственным лучиком света в этой беспроглядной череде ужасов был лохматый комочек счастья – Васат. В те редкие часы, когда мама уезжала в редакцию, чтобы отдать в печать новую статью, я сломя голову неслась на задний двор вместе с псом и наслаждалась солнечными деньками. Мы с Васатом играли, я учила его командам. Он оказался очень смышленным малым. В первый же день таких прогулок он научился давать лапу, а ещё через день уже выполнял кувырки и подавал голос.

Эти светлые мгновения я старалась запоминать как можно четче. Вот она я, сижу на мягком газоне, крутя в руках собачью игрушку – резиновую косточку. Васат пытается поймать какого-то жука и носится по двору. Тень деревьев покрывает почти весь участок и лишь я нахожусь в небольшом островке света. Ветер заставляет листья переливаться в изумительной шуршащей мелодии и приносит мне потрясающий аромат цветов с клумб, что шли вдоль всего участка. И это можно было бы назвать счастьем, позволяющим скрыться от всех проблем, но, увы, нет. От проблем не скрыться, когда они внутри тебя. Но о них можно забыть, на считанные минуты. Сложно, но можно. И я это делала.

Вскоре погода вернулась в обычное для себя русло. Солнце появлялось также внезапно и быстро, как и уходило, а туманы окутывали тихие улочки нашего города утром и вечером, как по расписанию. Естественно, мы с Васатом стали меньше времени проводить на улице, за что он на меня не сердился. Клянусь, этот пес великодушнее все окружающих меня людей вместе взятых!

И нет, не подумайте, я не жалею на свою родню. Слухи вокруг меня в городе начали потихоньку затихать, так как я не появлялась нигде, а следовательно, не давала повода им развиваться, а вместе с ними и мамино возмущение постепенно сходило на нет. Максимум, два-три раза в день она могла бросить мне какую-нибудь обидную фразу, но скандалов или попыток заставить меня помириться с Марком у неё уже не было (мне кажется, тут не обошлось без вмешательства Хильды, но это лишь мои догадки...)

Так почему же Васат сочувствует мне, и лишь добродушно сопит у меня под боком на кровати, не оставляя меня одной не на секунду? Ответ прост: я не знаю. И он, наверняка, тоже не знает. Но мы оба чувствуем, что со мной что-то не так.

Я честно пыталась разобраться в себе. В одну из ночей, когда сон заявил мне категорическим отказом, а последняя страница «Крестного Отца» Марио Пьюзо была дочитана, мне пришла в голову идея поговорить с собой через письмо. Сначала, разумеется, я сама посчитала себя душой и даже хотела покрутить себе у виска в зеркало. Но потом взяла ручку и старую тетрадку и стала писать.

Результат получился забавным...

«Что со мной не так? На это трудно ответить, но мне кажется, что мне страшно. Чего я боюсь? Себя. Я не могу понять, что я представляю из себя теперь. Раньше у меня были конкретные социальные роли: ученица, дочь, подруга, девушка... А что теперь? Школу я закончила – ученицей больше не являюсь. Последние несколько недель родня ведёт себя со мной, как с сожителем – дочерью я себя не чувствую. Подруг у меня никогда не было, обидно, что я поняла это только сейчас, но теперь у меня нет даже иллюзии подруг. Человеку, которого я люблю, я больше не нужна, и я уважаю его чувства, так что больше к нему не полезу. В глубине души, я сохранила за собой роль его девушки, и продолжаю заботиться о нем, насколько он мне это позволяет. Но все же, я не его девушка. У меня нет социальной роли и я боюсь этого. Я не знаю, кто я. Так что мешает мне приобрести новые социальные роли? Боязнь провала. Я боюсь, что не справлюсь с новой ролью или буду высмеяна окружающими. Да и если по-честному, то я не знаю, какие роли я хочу на себя взять. Может быть, я бы и рискнула. Но только ради той роли, в которой буду уверена, что она моя. Но сколько я не смотрю вокруг себя, ничего подходящего я не наблюдаю...»

Написанные на бумаге слова от руки получились совсем иные. Я бы никогда не призналась во всем этом просто у себя в голове. А когда ты пишешь конкретный вопрос и тебе нужно дать на него конкретный и развернутый ответ, все становится совершенно по-другому.

Я раз пять перечитала этот текст, прежде чем вернуться в постель. И там меня догнали уже совершенно другие мысли... Я поняла, что мне так тяжело прожить этот нынешний период от того, что несколько линий в моей жизни закончились одновременно. Если бы это происходило постепенно, хотя бы с интервалом в месяц или два, мне бы не было так сложно. Но, что поделаешь? Факт есть факт. Это уже случилось.

Так шла неделя, вторая, третья... На какой-то момент мне показалось, что я перестала существовать. Каждый мой день был просто абсолютно идентичной копией другого. Те же мамыны слова, те же соц.сети, те же мысли, та же надуманная ненависть от окружающих.

И самое страшное, мне полюбились это состояние. Мне стало нравиться, что в моей жизни нет сюрпризов, что все стабильно. Стабильно плохо, разумеется, но, тем не менее, ста-

бильно. Поэтому, когда за завтраком в понедельник бабушка завела разговор на рушащую мою стабильность тему, у меня перехватило дыхание.

– Ты уже подготовила документы к колледжу, Кира? – спросила она будничным тоном, добавляя клубничный джем в манную кашу. – Приемные комиссии заканчиваются через пару недель

Сказать, что из-под меня будто стул, на котором я сидела, выбило, равносильно тому, что ничего не сказать... Я просто не знала, что ответить на подобное. Я сидела тихо в своей комнате с телефоном и Васатом в обнимку, никому не докучая и даже при таком раскладе меня умудрялись доставать обожатели «золотого мальчика», а теперь меня снова хотят выпнуть в это стихийное бедствие под названием активная социальная жизнь на растерзание демонам сия образования? Да чем же я так провинилась!? (Хотя, моя мама на этот вопрос составила бы список пунктов в четыреста.)

Колледжи профессиональной направленности находились все в том же школьном городке, что и моя бывшая школа. Весь центр образования был там, в разных корпусах, и конечно же, там имелся достаточный выбор профессий, начиная от экономиста и заканчивая биохимиком. Но факт того, что я буду находиться в эпицентре начала всех своих неприятностей меня реально пугал.

Я сделала вид, что дожёвываю последний кусок бутерброда. Чтоб оттянуть время судного часа...

– С документами у меня все в порядке, бабуль... – я отвечала, глядя на дно чашки. Мне было страшно взглянуть на родню. – Я могу подать их в любой момент, но... Но, я ещё не определилась, на какой факультет хочу идти.

Фух! Я это сделала. Я призналась. Теперь главное – вынести их реакцию. «Боги, помогите! Пусть они не заостряют на этом внимания!» – молилась я в своей голове. И либо мои мольбы были услышаны, либо какая-то система в нашей семье сломалась. Все молчали несколько минут, продолжая заниматься своими делами и даже не набросились с обвинениями в безалаберности... В чем подвох?

– Не волнуйся, мама. – Элизабет отвечала совершенно беззаботно. – Я уже договорилась со своей старой знакомой, за ней держат место на жур.факе. Это было довольно трудно, учитывая в какой ужас влипла твоя внучка под самый конец обучения! Ей только нужно будет сдать творческое задание на приёмной комиссии.

Так вот почему все было так спокойно! За меня просто уже все решили. Тогда понятно, почему никакой суеты вокруг этой темы даже не возникло! Страх сменился возмущением, но буквально спустя секунду, моя душа снова ушла в пятки.

– У неё одна единственная четверка в аттестате, Элизабет. – усмехнулась бабушка. – И она по литературе. Неужели ты действительно хочешь пропихнуть её на журналиста!?

– Четверка не приговор. – парировала мама. Это было так необычно. За последнее время я уже и отвыкла, что она умеет вступаться за меня. – В ход идёт суммированный бал, а там достаточно тех, у кого он намного ниже. Главное не оплошать с творческим заданием, а уж с этим она как-нибудь справится! Ей нужно продолжать семейное дело.

– Нет, нет, нет... – Хильда замотала головой уже с откровенной улыбкой. – Нечего ей делать в журналистике! Это невыгодно в наших краях. Максимум, что её ждет, это твое место в вашей местной газетенке.

– Которую ты ежедневно читаешь! – подметила мама, но бабуля не обратила внимания и продолжала:

– Она молодая. Ей нужна перспективная профессия, с которой она бы могла уехать за границу. Это, кстати, в её интересах, после недавней истории. У нас слухи выветриваются не то, что годами, веками... И такую перспективу может дать ей только медицина. У нас лучший медицинский факультет на всю Скандинавию! Даже в Осло это признают! А если у неё хватит

терпения, и она после обучения ещё пару лет постажируется у меня, то уедет в свою обожаемую Италию и её там с руками оторвут! Идти надо в медицину!

– Я тебя умоляю, мам, ты же знаешь Киру! – фыркнула мама. – Да, с биологией у неё все прекрасно, и она бы смогла отучиться, но черт побери, это же Кира! Какая ей Италия, она даже из соседнего города через неделю обратно прибежит. Из Ньёрстхейма она никуда не денется, а уж если выбирать, смотреть ли целый день на больных людей и круглыми сутками жить на работе, как ты, или сидеть дома за ноутбуком с чашечкой кофе, то прости, ответ очевиден..!

Не знаю, что им обоим там было очевидно, а что нет, но этот на удивление спокойный и аргументированный спор продолжался до тех пор, пока каждый не убежал по делам после завтрака. Они пытались убедить и отговорить друг друга, решая, чья профессия лучше и по чьим стопам мне идти... А я сидела, слушала все эти бредни, понимая, что если сейчас влезу, то получу разом от обоих и мысленно была благодарно Грэгу, за то, что он не спорит вместе с мамой и бабушкой и не убеждает их, что мне надо идти на юридический по его примеру...

И сколько бы они чего не говорили, мне хотелось пойти по стопам Васата: спать под столом с до отвала набитым всякими вкусняшками брюхом и ни о чем в своей жизни, кроме как поймать очередного жука, не париться...

V.

Я старательно думала, как уклониться от темы моего поступления. Она пугала меня до дрожи в коленках и, как назло, естественно, никакое здоровое решение в голову не приходило. Я понимала, что избегать учёбы очень глупо. Как жить без профессии? Я даже обеспечить себя не смогу. Но какой ценой мне дастся это образование... Я же сидела во всех городских пабликах и комментарии читала. Моё имя уже успело стать нарицательным, а около четверти подписчиков группы «Ученик Ньерстхема» были готовы припоминать мне эту историю до конца жизни. Меня же заклюют, как только я хотя бы на пару кварталов туда приближусь!

И ладно, если бы у меня была действительно желанная профессия, которой бы я горела, тогда бы подобная жертва была оправдана. Но ни одна из специальностей ни то, что интереса у меня не вызывала, а скорее даже заставляла чувствовать отвращение. Ну не мое! Может, конечно, среди этих списков есть профессия, которая мне по душе, но пока я ещё не знаю, чего хочу от этой жизни... И тратить свое время не на то, что потом мне окажется нужно? Нет уж, увольте, мне хватило того, что я год потратила, живя жизнью Марка, а не своей, а теперь ещё за это и огребаю!

Пытаться объяснить всё это маме равносильно самоубийству. Когда я высказала подобную речь ей, по-моему, всё, что она услышала было: «Из-за моего паршивого отношения к замечательному Марку я не хочу появляться ему на глаза». Да, да! Ведь именно такой вывод она сделала из моей тирады. Но реакция Марка меня интересовала в последнюю очередь. Он сам уже давно забыл эту историю, а помнят её только обожатели школьной элиты (то есть большинство) и те, кому больше нечего обсуждать – в совокупности все.

Сегодня последний день приёмной комиссии. И кто же знает, зачем я стою перед шкафом, подбирая платье..!? Да, я оттягивала этот день, как могла, но невозможно не признать, что мама с бабушкой правы. Я сама это осознаю. Это нужно для меня, а не для них. Для моего будущего. Не смогу я всю жизнь прятаться под кровом родительского дома. А жаль...

Я стянула с вешалки платье-рубашку болотного цвета и, надев, подпоясала кожаным ремешком. Поправив высокий небрежный пучок на голове, я взяла свой рюкзак и последний раз взглянула на себя в зеркало оценивающим взглядом. Боги, я же иду на добровольную пытку!

Да, в принципе, и что!? Эта пытка стоит моего независимого будущего, да и бабушка с мамой будут счастливы...

Я спустилась по лестнице в коридор и уже было потянулась к своей джинсовке, на улице-то все-таки не жарко – четырнадцать градусов, – как вдруг в меня врезалась мама, она торопилась на кухню, чтоб подать бабушке и Грэгу завтрак и, как всегда, была полностью погружена в свой планшет, прорабатывая новую статью.

– Ох, Боги, Кира! – воскликнула она и оглядела меня с ног до головы. – Ну почему ты не взяла ту заколку!? Она так хорошо прикрывает волосы...

– Мам, давай не будем прям с утра портить мне настроение, хорошо? – жалобно протянула я, натягивая рукав джинсовой куртки.

– Ты не останешься завтракать?

– Нет, куплю себе что-нибудь в магазине после комиссии. – я проверила, есть ли у меня в кармане деньги. Все на месте. – На полный желудок хуже думается...

– Ну хорошо. – мама коротко кивнула и уже было развернулась к кухне, но передумала. – Помни, главное, не переборщи с интригой, не тяни с ответом дальше чем треть текста... А, и используй поменьше эпитетов, но все яркие, запоминающиеся и нестандартные.

– Да, я помню... Всё коротко, по сути, но кричаще и не как у всех.

Я все же решила пойти на журналистику. И для такого решения у меня было несколько причин. Первая и основная, мне совсем не хотелось всю оставшуюся жизнь резать людей, пусть даже это бы и спасало им жизни... Профессия хирурга совсем не к моему характеру. И дело даже не столько в крови, сколько в морали. А вторая, этим выбором я сделала комплимент маме, с которой у меня последние дни были уж очень натянутые отношения. Я надеялась таким образом вызвать её благосклонность к себе, но как же я ошибалась... С её стороны мне стало поступать только больше требований, касательно внешнего вида, а главное чистоты речи. Да ещё и от Хильды звучали слова неодобрения. Но менять свое мнение, которое уже озвучено, я была не намеренна. Мне хватит и первой причины, чтобы оставаться верной своему выбору.

– Умница. – улыбнулась мама.

Я развернулась к двери, но Элизабет была не намеренна меня отпускать так просто.

– Не попраощаешься с Грэггом и бабушкой?

– Чтобы перед экзаменом получить ещё порцию возмущений по поводу того, что я рушу себе карьеру? – усмехнулась я, но на самом деле, мне стало грустно от осознания этого. – Нет уж, увольте! А Грэг ещё вчера начал желать мне удачи и, кажется, у меня её уже переизбыток.

– Ну, в принципе, верно. – вынужденно согласилась мама. – Сосредоточенности тебе и терпения, дорогая. И все-таки попытайся встретиться и поговорить с Марком. Может, момент вашего недопонимания прошел, и он простил тебя?

Я закатила глаза, сдерживая слабый порыв злости, а она потрепала меня по плечу и скрылась из виду в столовой. Иногда мне так хочется не испытывать никаких чувств. Да, за последние десять минут я испытала весь спектр эмоций: страх, гордость, обиду, злость, грусть, счастье, уверенность... И это чертовски тяжело! Я чувствую себя вымотанной и уставшей. Не физически, а именно морально.

Я салютанула Васату, наблюдавшему за моими немymi возмущениями с лестницы, и поспешила выйти из дома. Пусть мама думает и говорит, что хочет. У меня своя голова на плечах, и я не стану потакать ей в абсолютно каждом вопросе. Хватит с меня того, что я иду учиться на того, кем она хочет, чтоб я была, но вот унижаться перед обществом, как она хочет, я точно не буду!

Да, признаю, мне всё-ещё иногда не хватает Марка. Как бы паршиво он со мной не поступил, я понимала, что это у него временные заскоки, многое свалилось на этого мальчика... Подростковый возраст, наркота, влияние денег его родителей, друзья-понтонщики. Он просто слабохарактерный, раз позволяет окружающему миру так менять свою личность, и пытается скрыть это за напускным пафосом. Нельзя обижаться на людей слабых духом, но и позволять им самоутверждаться за свой счет нельзя тем более.

На улице меня окатила столь необходимая в данный момент прохлада, а легкая морось вернула надежду на светлое будущее. Я ненавидела такую погоду, но она всегда спасала меня от депрессии, показывая, что в мыслях у меня все не так уж и мрачно, как за окном.

Собрав волю в кулак, я заставила свои ноги двигать в сторону центра города. От дома до студенческого городка час ходу, и это ускоренным шагом. Но я не считала это проблемой. Большую часть территории нашего города занимает частный сектор с тихими улочками и только в центре кипит активная жизнь с офисами, торговыми центрами, ресторанами и прочей ерундой для бизнеса и развлечений. Многие мои ровесники копят каждый цент, чтоб купить себе машину и избавиться себя от длительных прогулок. Для меня же все наоборот. Я отказалась от машины, хотя права получила ещё год назад. Дорога до пункта назначения – это время настроиться. Подумать и передумать все на свете. Это намного важнее скорости, а если куда-то нужно добраться срочно, в конце концов всегда можно вызвать такси.

Мне сейчас торопиться совершенно некуда. Приемная комиссия начнется в половине десятого, а сейчас только семь пятнадцать, да и гулять мне нравилось, но я уже заранее отговаривала себя от желания взять такси, как только выберусь из спальных районов поближе к ожив-

ленным улочкам. Я бы хотела спрятаться в машину, потому что уже предчувствовала все те подколы, осуждающие перешептывания и уничижительные взгляды, что меня ждут. Я отвыкла от них за последнее время, что пряталась за стенами своего дома и мне совершенно не хотелось погружаться в эту атмосферу снов. Я и сама себя неплохо приножаю у себя в голове без посторонней помощи!

Два аргумента заставили меня оставить мысли о такси. Первое, если я возьму такси, то у меня не останется денег на то, чтоб поесть после комиссии, а в животе даже сейчас уже неприятно тянуло от голода. А второе, такси меня не спасет! Мне все равно придется идти в толпу сверстников и стараться не обращать внимания на издевки. И не только сегодня, а ещё ближайшие четыре года.

Я, конечно, пыталась успокоить себя мыслью, что эта история с Марком как-то забудется, или я смогу реабилитировать себя в глазах сокурсников, или, чем черт не шутит, меня реабилитируют сам Марк или Зерах. «Маловероятно!» – противоречила я своей надежде голосом разума. Почти месяц прошел, но как эта тема была главным трендом и поводом для шуток, так и остается.

В Ньерстхейме редко происходят какие-либо события, которые настолько будоражат общественность. Теперь же, когда такое событие случилось, волна последствий от него ещё очень долго будет накрывать всех его участников... Но, как всегда, не Марка! Он сказал, что не хочет ничего об этом слышать, и все вокруг него точно воды в рот набрали. Вот в этом плане действительно жалею, что Марк не вездесущий или у него нету пары десятков клонов. Натыкать бы их тогда по всему городу, тогда никто бы и пасти об этой истории не раскрыл...

Мне стало немного паршиво и жалко человека, которого я так долго любила, и что скрывать, люблю до сих пор. Ведь как бы он это не воспринимал, все его слушают не из уважения к нему. Нет. Все уважают деньги его родителей, которые те вкладывают в развитие города. При чем именно уважают не его родителей, а деньги его родителей. Это тоже о многом говорит...

Пока я была погружена в свои мысли и взвешивала свои шансы на приемлемый исход событий, я вышла на центральную улицу, ведущую напрямиком к школьному городку. Вокруг меня начали звучать первые редкие смешки, и я автоматически остановилась.

Итак, впереди пять кварталов до набережной, а там и главный вход недалеко... Слава Богам, на центральной улице, даже в такую невозможную рань полно туристов. Если я буду держаться рядом с группами азиатов, или ещё круче – русских, то получу я негатива по минимуму, народ, а тем более ученики, просто не станут его показывать. Даже наше бессовестное поколение не хочет позорить свое государство в глазах иностранцев. Максимум, что я получу, так это уничтожающие взгляды. Но к этому мне не привыкать – моя мать Элизабет Анконнен. Я на этих взглядах выросла.

Я сделала пару шагов ближе к зданиям и влилась в толпу беспорядочно двигающихся, судя по акценту, англичан. Двигались они достаточно быстро и о том, что я могу опоздать, мне переживать не приходилось. А вот за свои знания я переживала с лихвой...

Обдумывая нестандартные и едкие фразы, которые я смогу вставить в статью, не важно, какая тема мне попадется, я совсем забыла о грамотности! Решив это исправить, я просто заикливалась на каком-нибудь слове, проговаривала его у себя в голове несколько раз, разбирая по слогам... И уже через пару повторений я начинала сомневаться, что такое слово вообще существует! Клянусь, проходя мимо булочной и нечаянно взглянув на витрину, я была почти уверена, что такого слова как «пончик» нет, и это случайный набор букв, который я сама только что придумала...

Задумавшись над этим и пытаюсь отключить свой мозг (не лучшая идея перед экзаменом), я шла в полной прострации и, как оказалось, на автопилоте. Оказавшись на главной лужайке учебного городка, я чуть не врезалась в стенд с объявлениями.

Надо же! Только сейчас мне открылись все те косые взгляды и освистывания, которые сыпались буквально со всех сторон. Эти дети могут только говорить, они ничего мне не делают. Так мне казалось до того самого момента, пока в кармане у меня не зазвенел мой телефон...

Пришла смс-ка? Мне? Разве что от мамы или Грэга, подумала я в тот момент... Но тут-то было, этого номера не было у меня в контактной книжке, но текст сообщения был следующим: «Той, кто разбивает сердца не место среди людей! Проваливай, пока можешь!»

Я подняла глаза и огляделась вокруг. Все как обычно. Кто-то переходит из корпуса в корпус, кто-то сидит за столами для обедов и разбирает конспекты... Да, я не обделена негативным вниманием, но по большей степени, я мало кого интересую.

Пришло ещё оповещение. Второе, третье... Телефон начал разрываться! Я смотрела на всплывающие окна и понимала, что хоть в каждом сообщении и разные текста, смысл они несут один и тот же. Тело оцепенело и меня начала бить мелкая дрожь. Это словосочетание, появляющееся на экране снова и снова нагоняло на меня панику. «Разбивать сердца». Как противно это произносить у себя в голове! Но оторвать взгляд от телефона я не могла.

Как глухим эхом до меня докатились звуки подавляемого хохота. Окружающие явно наслаждались таким моим состоянием. Но разве могу я им доставлять такое удовольствие!? А главное хочу ли..?

Ответ очевиден. Я зажала кнопку отключения и завершила работу гаджета неподобающим образом. В потемневшем экране я увидела свое отражение. С исчезновением с глаз неприятных текстов дрожь в теле прошла, но вот губы у меня тряслись, как у маленького ребёнка, который вот-вот расплачется. И, если честно, на вид, я была очень близка к этому, но внутренне запрещала себе подобную слабость. Публику я и так уже достаточно позабавила!

Сказать, что мне обидно, по-моему, будет слишком мало. Эта обида подкреплялась страхом и внутренней пустотой. Но я даже не думала винить в этом Зераха или Марка. Я обижена и зла на саму себя, ведь я причина своих проблем и проблем своей семьи. Моя неосторожность с Гуревичем, неразборчивость с Марком и своей компанией, которых считала «друзьями»... Кто может быть виноват в моих ошибках кроме меня?

Но такие мысли не придавали уверенности и не помогали вернуться в комфортное русло. Ведь как бы я не осознавала всю сложившуюся ситуацию, маленькая и наивная девочка в глубине меня верила, что не заслуживает получать такие издевки от окружающих в свой адрес. Что все должно быть наоборот. Что её должны похвалить, за то, что она осознала свои неправильные поступки и помочь встать на верную дорогу.

Боги, на какой «идеализированный» мир я смотрю через свои розовые очки!?

Я заставила свое тело успокоиться. Руки перестали дрожать, глаза, пусть немного растерянно, но довольно быстро искали на стенде номер аудитории, в которой проходила приемная комиссия для поступления на журналистику. Обманув физическую оболочку, я не смогла обмануть душу. Мне казалось, что мое самосознание дрожит. Даже не знаю, как это можно объяснить... Будто мозг дрожит в черепной коробке и все мое понимание жизни вместе с ним.

«Аудитория 317А – место моей смерти» – промелькнуло у меня в голове, когда я наконец-таки нашла ответ на свой вопрос. Ну, хвала Богам, эта аудитория не в корпусе моей бывшей школы. В учебном городке всегда было полно народу, даже на каникулах (здесь очень комфортное место обитания для молодежи), и по большей степени народ находился на улице, не смотря на туманность и прохладную погоду. Мы привыкли к такому климату, нас этим не запугать. В здания старших колледжей их не пускают, а вот в коридоры, комнату отдыха, спортзал и столовую корпуса средней школы – пожалуйста. Кабинетов, рассчитанных на одновременное принятие сотни, а может и больше, человек у нас не так много – всего шесть. И два из таких как раз в средней школе, не считая актового зала, где проходит комиссия на факультет театрального мастерства.

Основная масса поступающих уже прошла вступительные испытания (естественно, ведь они знали, кем хотят быть) и сегодня, в последний день, на экзамены идет не так много народу. Только такие неопределившиеся создания, как я, те кто трусили и оттягивали судный час на последний момент, и те, кому, собственно, плевать, поступят они или нет. Но администрация и учителя тоже люди и им лень перетаскивать материалы из кабинета в кабинет, менять номера аудиторий в списках... И, если честно, то я их не осуждаю – никому не охота проделывать лишнюю работу.

Я поняла, что со мной все-таки что-то не так и всё мое холоднокровие, и решительность – это напускное, когда в глазах у меня началось двоиться, а голове вдруг резко стало очень жарко. Мне пришлось схватиться за фонарный столб, чтоб не потерять сознание. Холодный металл и капли утренней росы приятно обожгли ладонь и удержали меня в реальности. Мне захотелось прижаться к этому фонарю – стать с ним одним целым, чтоб охладить весь наполняющий меня жар, но я понимала, как дико это будет выглядеть со стороны, после той «информационной атаки», направленной на меня недоброжелателями.

«Они не получают от меня того, чего желали! Я не собираюсь им потакать!» – твердила я себе, но глубоко внутри рыдала от бессилия. Почему это общество, которое даже не уважает меня, должно меня ограничивать!? Почему не могу заплакать, когда обидно, закричать, когда больно, упасть, когда устала!? Почему я должна прятать себя, чтобы угодить или, наоборот, не угодить другим, в ущерб себе же!?

Вдох-выдох, мне нужно привести себя в чувства! Потому что ты не можешь стать для них легкой мишенью, вот почему – парировала я свои возмущения. Но легче от этого слабого и дрожащего внутреннего голоса разума мне особо не стало. Мне плохо. Причем, к сожалению, не как раньше – только морально – а морально и физически сразу.

Собрав всю волю в кулак, я отлепилась от фонарного столба и довольно таки бодрым шагом (как мне показалось, когда я попыталась взглянуть на себя со стороны) проследовала к гуманитарному павильону.

Это одноэтажное, но очень длинное здание – шедевр нашей школьной архитектуры. Оно совсем новое – построено всего год назад по проекту студента Йена Сколки. Вообще, это очень печальная история. Гуманитарный павильон – это не основное название этого здания, и об этом говорит красная табличка, висящая на его стене перед входом. «Павильон Маргариты».

Маргарита переехала в Ньерстхейм с семьей довольно давно, лет пять или шесть назад, и была буквально одержима историей литературы. Вряд ли был хоть один автор девятнадцатого века, которого она не знала.

Йен и Маргарита были из выпуска на два класса старше и дружили с первого дня появления Маргариты в школе. После окончания средней школы Йен поступил на архитектора, а Маргарита на лингвиста, но ей не суждено было пройти через все прелести жизни первокурсника вместе с Йеном.

После того, как вступительные экзамены были сданы и вопрос о зачислении решен, Маргарита с родителями, поехала на отдых в Испанию и попали они туда прямо в сезон ужасных пожаров. Её родители успели спастись в океане, пока вся земля вокруг полыхала... Маргарите повезло меньше. Девяносто процентов её тело было обожжено и врачи не смогли её спасти. Им пришлось вводить её в искусственную кому, чтоб она не чувствовала боли, но это не помогло.

Её мать, когда более-менее отошла от шока, рассказала Йену, что Маргарита до последней секунды, пока находилась в сознании, рассказывала медсестрам о сонетах и хокку, ямбе и хорее. И Йен зацепился за эту идею. Он вложил всё свою боль от утраты в проект гуманитарного павильона. В коридоре этого павильона нет окон и вся внешняя стена из красного кирпича, но зато другая его сторона, с которой находятся кабинеты, полностью из стекла. С улицы виден каждый кабинет, как проходят уроки... А из кабинетов открывается вид на школьный

парк. Для парня красный кирпич был огнем, а стекло океаном. И Маргарита никогда не войдет в свой спасительный и желанный кабинет. Она навсегда останется ждать своего урока в «пылающем» красном кирпичном коридоре.

За этот проект Йена зачислили сразу на третий курс факультета архитектуры – настолько красиво и профессионально было выполнено это здание. И, отгадайте, кто спонсировал строительство? Верно. Естественно, Ларсены.

Я зашла в коридор гуманитарного павильона (не могу лишней раз вспоминать эту историю, называя его «павильоном Маргариты»). Тут навскидку было человек сорок, и, само собой, спокойствия мне это не прибавило.

Кинув рюкзак на скамейку, я запустила руки в волосы, руша тот остаток прически, над которой уже поработал туман и ветер. Мне стало очень обидно и захотелось себя пожалеть. Не знаю, как это можно объяснить – на это не было существенных причин.

А, нет! Были. И надвигаются они прямо по курсу. Исаак, Ингрид, Филип, Ева, Юнас... Половина моих старых знакомых. Что они здесь забыли? Они же перешли в десятый класс – им вступительные ни к чему. Судя по тому, с какой уверенностью они надвигаются на меня, они здесь, чтоб поговорить. Точнее, сказать мне что-то в одностороннем порядке. Но неужели они дежурили около класса приемной комиссии ежедневно!? Откуда они могли знать, когда я приду?

Сердце колотилось в районе шеи. Почему-то мне на ум ничего, кроме слова «опасность» не приходило. Я скрестила руки на груди, то ли, чтоб закрыться и обезопасить себя, то ли, чтоб удержаться и не рухнуть в истерику. А то, что я нахожусь на грани, думаю, было понятно без особых усилий. Я заставила себя встать и приготовилась к тому, что мои несбыточные мечты о спокойном диалоге с вероятностью в сто процентов пойдут прахом. Мне придется защищаться, и я уже проиграла – просто потому что ненавижу, да и не умею этого делать.

– Кира.

На удивление, первым заговорил Филип и говорил он вкрадчиво и очень тихо, так, что среди болтающих абитуриентов его почти было не слышно. Я ожидала первого слова от Исаака, он же правая рука Марка и именно он ограждал меня от него на следующий день после выпускного бала. Может, я все-таки ошиблась на счет опасности?

– Тебе стоит уйти. – посоветовал Филип. – И чем скорее, тем лучше.

– У меня вступительный экзамен через пятнадцать минут. – ответила я твердым голосом. Ого! Я не думала, что умею так играть, ведь внутри у меня все дрожало, а звучала я довольно-таки стойко.

– Ты не будешь здесь учиться, глупенькая ты девчонка. – усмехнулся он и запустил пальцы в волосы. – Той, кто разбивает сердца тут не место.

– Это ты так решил? – с вызовом бросила я. – Мне известно, что у некоторых учеников есть грехи пострашнее, чем у меня, и это им не мешает тут находиться.

Естественно, это был камень в огород всей банды Марка. При желании на них можно было накопать столько, не то, что морально-этических преступлений, а даже уголовных, что я на их фоне просто белая овечка! И Филип прекрасно знал, что я в курсе всех их «проказ».

– Ты сама так решишь. – моего оппонента совсем не смутила отсылка к его жизни. Он её точно и не заметил. – А я просто экономлю время тебе и нервы другим. Поверь, никому из здесь присутствующих твое появление не приносит удовольствия. Ты все равно не сможешь здесь учиться. Да, терроризировать, конечно тебя не будут...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.